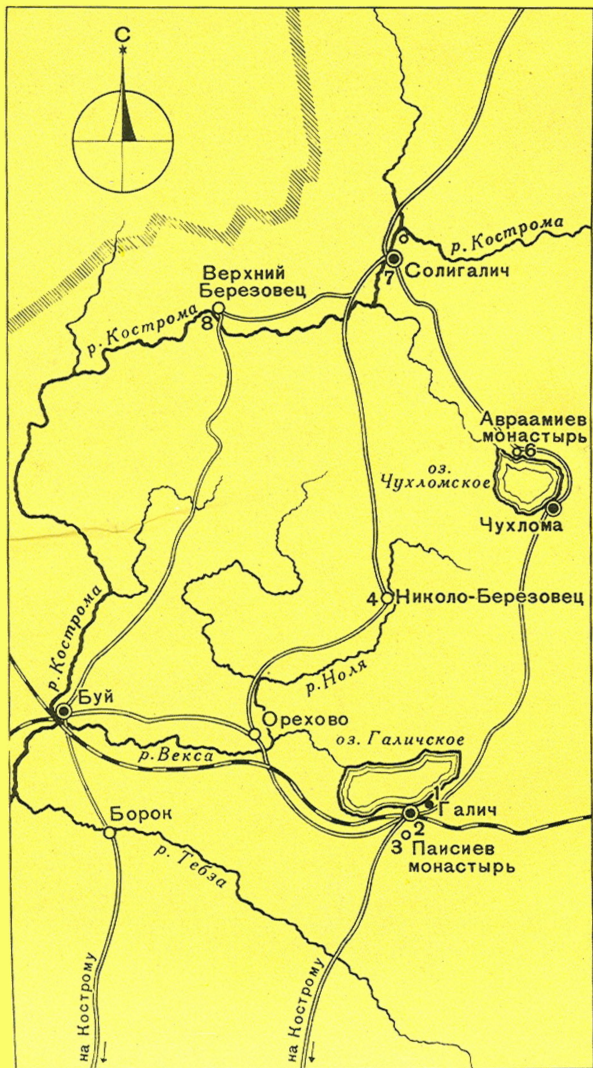

НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕГО ГАЛИЧА

1. Валы древнего Галича
2. Галич. Гостиный двор и пожарная каланча

3. Паисиев монастырь. Успенский собор. XVI в.
4. Село Николо-Березовец. Никольская церковь. XVIII в.

5. Чухлома. Успенская церковь. 1730 г.
6. Авраамиев монастырь. Покровский храм 1608—1631 гг.

7. Солигалич. Рождественский собор. 1668—1805 гг. Портал.
8. Деревня Верхний Березовец. Ильинская церковь. XVI (?) — XVIII вв.

72C1
T46

8-1-2
241-71

НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕГО ГАЛИЧА

(ГАЛИЧ.
ЧУХЛОМА.
СОЛИГАЛИЧ)

А. А. ТИЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
МОСКВА
1971

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
1. Галич	7
Галич Мерьский (7). «И лежаша многи князи и воеводы, и все воинство едину чашу пища смертную» (10). Обитель преподобного Паисия (18). «Лучших и середних посадских людей в Галиче на посадке нет» (24). Уездный город Галич и его торжище многолюдное (27). Пробойная улица (34). Слобода «рыболовей галических» (39). Старинные дома (43).	
2. Чухлома	51
Годы давние (51). «Кругом города рвы копаны и валы насыпаны, а на валах стены с башнями наугольными» (56). Авраамиев монастырь, что на старом городище (62). Заштатный город Чухлома (70). «О торговых людях и о лавочных местах» (75). Первостатейный купец Июдин (80).	
3. Солигалич	84
У Соли Галичской (84). «Город во взятии не бывал» (86). «Постави церковь Воскресенскую камяну с трапезою и звонницу учинили» (91). «Начата строением в 1668 г., а свершена бысть в 1805 г.» (98). Музей имени Г. И. Невельского (104). «С птичьего полета» (111). Торговая площадь (115). По старым улочкам и переулкам (120). По лесам и долам (126).	
Примечания	132
Библиография	133

От автора

Разные исторические судьбы у городов, многолики их культурные ценности, различна степень изученности и популярности. Почти каждому известен белокаменный Успенский собор в бывшем стольном граде Владимире или монументальный детинец Господина Великого Новгорода, но мало кто назовет художественные памятники Солигалича или Чухломы. Их сохранилось немного, и это не всегда первоклассные произведения, но они воспринимаются на однородном им архитектурном фоне, что позволяет непосредственнее почувствовать обаяние древнерусского зодчества, своеобразие народного творчества, единство пейзажа и творений человеческих рук.

Притягательная сила лесного заволжского края в комплексности восприятия прекрасного, в безыскусности и непосредственности художественных образов, в органической связи с природой, в их подлинной народности и своеобразии. Красота северных лесных районов иная чем на юге, она мягче, поэтичнее, особенно в период белых ночей. Ради одних только белых ночей стоит приехать и побродить по лесам и долам древнего Галича.

Для того чтобы доехать из Москвы в Галич по железной дороге, нужна всего одна ночь. В Галиче приятнее остановиться в стародавней Рыбной слободе, в рубленой избушке у самого озера. Дальнейшее передвижение может осуществляться либо автобусами, либо местными самолетами. Можно посоветовать в Чухлому направиться на местном автобусе. Правда, качество дороги желает

много лучшего, но местность, по которой, подпрыгивая на ухабах, деловито пофыркивая, движется автомашина, очень живописная и своеобразная. Ряд деревенок, которые промелькнут мимо, тоже стоит посмотреть. Ознакомившись с Чухломой и прилегающими районами, садитесь снова на автобус и через полсотни с лишком километров пути вы на торговой площади древней Соли Галицкой. Будучи в Солигаличе, обязательно сходите в лес, побродите по мягкой, как ковер, траве-мураве, пособирайте грибы и ягоды, прислушайтесь к многоликому голосу зеленого мира. Очень приятная прогулка в село Верхний Березовец; там на кладбище с покосившимися крестами, вся укутанная деревьями, стоит ярусная Ильинская церковь, памятник деревянного зодчества.

Обратный путь в Галич хорошо проделать на местном самолете. Тридцать пять минут вы можете любоваться ковром из зеленых лоскутков самых различных оттенков, которые то разрезаются светлой полоской реки, то окружают серое пятно озера, на берегу которого, подобно детским кубикам, высыпанным из коробки, сгрудились домики.

Потратьте еще один-два дня на поездку в Железнодорожный монастырь. Из Галича до Буя легко добраться местным поездом, а дальше — автобусом. Весь путь до селения Борок займет примерно 5—6 часов. Кроме овеянных романтикой монастырских сооружений непременно осмотрите деревню; отдельные ее уголки сохраняют старорусские традиции. Можно посоветовать еще проехать в село Ликург, полюбоваться храмом XVII в.

Заканчивая свои краткие напутствия, хочется выразить искреннюю благодарность патриотам своих городов, Л. М. Белоруссову, Г. И. Лебедеву, Г. Н. Чернышевой и ряду других сотрудников краеведческих музеев, сделавших очень много для популяризации своего родного края и оказавших помощь автору в подборе материалов и ознакомлении с достопримечательностями Галича, Чухломы и Солигалича.

1. ГАЛИЧ

ГАЛИЧ МЕРЬСКИЙ. Есть города, история которых имеет особую притягательную силу. К таким городам относится и Галич, упоминаемый в каждом труде по русской истории в связи с жестокой борьбой Дмитрия Шемяки за великокняжеский престол. Ступая на землю бывшего стольного града Галичского княжества, ожидаешь увидеть какие-то эпические картины, стародавние ансамбли, созвучные этому древнему городу, однако архитектурное лицо Галича принадлежит значительно более позднему времени, чем период его короткой славы, и мало чем отличается от многих других, сохранивших самобытные черты провинциальных городов. Несмотря на это, Галич обладает удивительной привлекательностью и своеобразием.

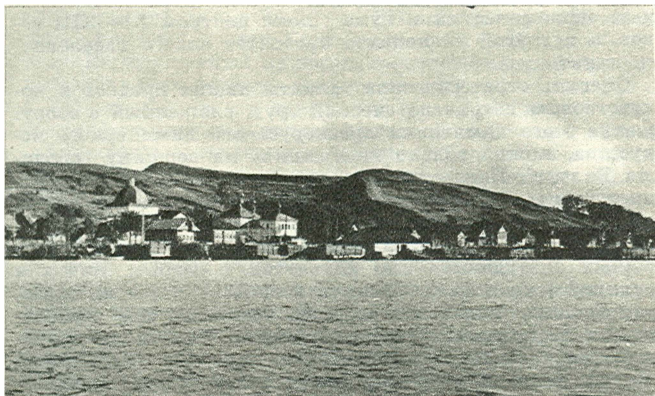
Растянувшаяся почти на четыре километра вдоль берега огромного Галичского озера пестрая полоска из домиков особенно красива с воды. Тихо покачиваясь на лодке и любуясь яркой мозаикой застройки с сочными пятнами зелени, уносишься мыслями в далекое прошлое города, не сломленного тяжестью испытаний.

Вот так же тысячу лет тому назад на выдолбленном из огромного бревна челне бороздили водную гладь озера рыбаки обрусевшего племени меря. Мерянское городище, очевидно, завершало одну из возвышенностей на территории современного Галича. Меряне не были первыми жителями заволжских земель. Еще задолго до них на берегу Галичского озера и в окрестностях устраивал свои стоянки человек эпохи неолита. Племя меря

Галич. Вид города и озера

упоминается на первых страницах «Повести временных лет». Несмотря на сотни верст, которые отделяли центры культуры мерян от «матери русских городов», их воины помогали князю Олегу в 882 году взять Киев. Участвовала меря и в походе на Константинополь, когда в 907 году князь Олег гордо прибил щит, «показующе победу» на воротах Царьграда. Это последняя письменная дата, говорящая о меря. Меряне растворяются в потоке молодых славянских племен, но память об этом народе уцелела в древнем наименовании города — Галич Мерьский. Сохранил народ и устное предание о том, что на Поклонной горе (ныне гора Смычки) в незапамятные времена стояла кумирня мерян с деревянными идолами. Многие лета праздновали на Поклонной горе галичане праздник солнца — Яриловку. Даже в первые годы Советской власти весной на зеленых склонах водили хороводы и продавали на столиках сласти и пенящий-ся квас.

*Городище Балчуг
с древними валами
Галича Мерьского*

Трудно точно ответить, когда возник Галич Мерьский. Первое документальное известие о заволжском городе относится к 1237 году. В этот страшный для Руси год: «Татарове поплениша Володимерь и пойдоша на великого князя Георгия, окаянии ти кровопици, и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городецъ, и ти плениша все по Волзе доже и до Галича Мерьского...»¹. Таким образом, в начале XIII века Галич уже был значительным населенным пунктом, хорошо известным летописцу. Его мощные по тому времени земляные укрепления увенчивали гору и в виде огромной подковы спускались к озеру. Время сооружения этих валов относится, по данным П. А. Раппопорта, к середине XII века².

Скорее всего, Галич был основан Юрием Долгоруким, тщательно укреплявшим границы Ростово-Суздальской земли. Повторение наименования известного города Галицкой Руси — Галича, видимо, следует связывать со стремлением, с одной стороны, закрепить связи с круп-

ным экономическим и культурным центром XI—XIII веков, а с другой — поднять авторитет нового населенного пункта.

Оценить стратегические таланты наших предков и почувствовать сверхчеловеческий труд, вложенный в сооружение этого памятника древнерусского инженерного искусства, можно только поднявшись на вершину городища Балчуг³. Преодолевая крутизну склонов, стараешься представить на гребне оплывших от времени земляных насыпей острый частокол, подобно венцу надетый на суровое чело города, а за ним рослых защитников в кожаных нагрудниках или кольчугах, с острым мечом и сулицой (тип копья). Сдвинув кованые шлемы на глаза, закрывшись большими щитами, ожидают они приближения несметных татарских полчищ. Чем выше поднимаешься, тем шире открывается горизонт. Гигантской чашей, налитой до краев, лежит внизу озеро, окаймленное малахитовой каемкой берега. С двух сторон к древнему городищу прижимаются домики горожан. Слева сбилась стайка каменных зданий с железными крышами, а справа гуськом вытянулись избы, крытые тесом и лемехом. Город и Рыбная слобода смыкаются у подножия кремля, как бы по-прежнему ища защиты у его величественных валов, взметнувшихся на шестидесятиметровую высоту.

На узкой прибрежной полоске, на месте Староторжья белеют постройки бывшего Николаевского монастыря. Старое торжище прижалось к южному склону земляных укреплений со стороны самой важной дороги во Владимирские земли. Скрипучие возы свозили с окрестных селений драгоценную пушнину, душистый мед, всевозможную дичь и каменное золото — соль. Изыщные струги и легкие челны приставали прямо к торговой площади, предлагая переливающуюся серебром, судорожно подрагивающую живую рыбу.

Настоящее переплетается с прошлым, и на фоне современного города проступают расплывчатые очертания древнего Галича Мерьского.

«И ЛЕЖАША МНОГИ КНЯЗИ И ВОЕВОДЫ, И ВСЕ ВОИНСТВО ЕДИНУ ЧАШУ ПИЩА СМЕРТНУЮ». Несмотря на тягостные годы «томления и муки» русского народа под татаро-монгольским игмом, Галич, укрытый лесами и непроходимыми болотами, продолжал развиваться и крепнуть. В 1246 году при разделе вотчин пятый

сын великого князя Ярослава Всеволодовича — Константин — получил в удел Галич, а шестой — Михаил — Москву. Иерархический принцип, господствовавший при распределении наследства, свидетельствует о том, что Галич в XIII веке считался крупнее и богаче Москвы. С этого времени начинается первая династия галичских князей.

Отрывочные сведения о древнем Галиче «Летописца Воскресенского монастыря»⁴, который включает как легендарные сведения, так и фактические данные, позволяют заглянуть в далекое прошлое города.

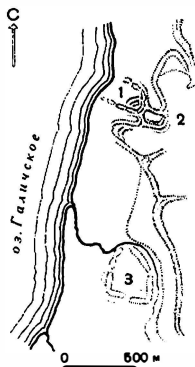
В лето 1335, в годы правления князя Федора, на склоне горы «внутри города» (то есть ограждения) стояла церковь Спаса. Невдалеке от храма раскинулись княжеские хоромы. Князь Федор Семенович, укрепляя свое влияние, «устрои монастырь у своего двора». А на игуменство посадил «постриженника Печерского монастыря» Афанасия.

На небольшой территории города (около 270 м × 180 м) сгрудились многочисленные деревянные постройки. Рубленые амбары, избы с крытым тесом крыльцом, высокие заборы сплелись в живой клубок вокруг устремившегося вверх храма.

Более двух веков земляные валы нижнего городища, обетшавшие за годы татарской неволи, укрывали галичан от врагов. Беспокойные были времена, более полутора ста сражений с татарами, литовцами и немецкими рыцарями отгремело на всей русской земле, не считая княжеских междоусобиц. Были в Галиче и пожары, и моры, а в 1361 году «быст глад велик».

Но не унимались князья, великокняжеский престол не давал им покоя. Галичский князь Дмитрий принял участие в борьбе Суздальского князя с Москвой и за это в 1363 году был изгнан из Галича. Земли Московского княжества, перекинувшись через владения ростовских и ярославских князей, протянулись далеко на север к берегам реки Сухоны и Белого озера. В Галиче воцарилась вторая династия князей, основателем которой был сын Дмитрия Донского — Юрий Дмитриевич. Он, как второй сын, получил в наследство Звенигород под Москвой и далекий Галич со всеми волостями и селами. Энергичный и смелый, князь Юрий делает Звенигород своей резиденцией.

Еще не отзвучал похоронный звон по великому князю Василию Дмитриевичу, а в Звенигород прискакал гонец звать Юрия Дмитриевича целовать крест его племяннику Василию Васильевичу.

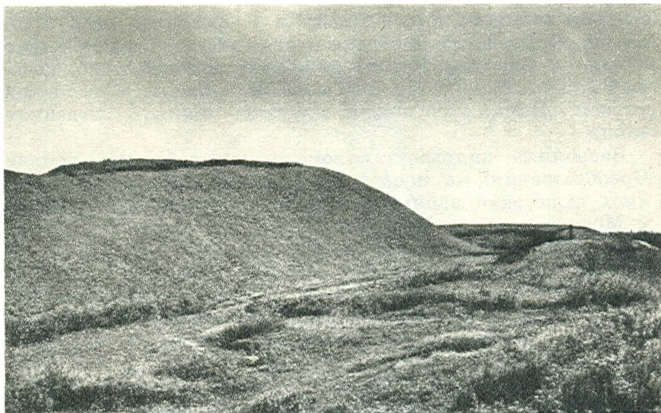

*Схема расположения
оборонительных
сооружений
древнего Галича
(по П. А. Раппопрту)*

1 — Укрепления середины XII в. Галича Мерьского; 2 — Укрепления конца XIV — начала XV вв.; 3 — Укрепления второй половины XV в.

Не желая признавать московскую систему престолонаследования от отца к сыну, князь Юрий вместо Москвы спешно отправился в Галич собирать силы для борьбы. Вслед за мятежным князем в мартовские дни 1425 года отправились московские рати, а летом сам митрополит Фотий поехал в Галич увещевать князя Юрия. В итоге было достигнуто соглашение подождать совершеннолетия Василия Васильевича и «не искати собою великого княжения, но ему же от них поручит старейшинство Ординьский царь».

Скорее всего, в эти годы унижительного ожидания решения Орды, кому из русских князей занять великокняжеский престол, и сооружается второе укрепление на горе рядом с Балчугом⁵. Современное верхнее городище очень напоминает укрепления Звенигорода. Оно также расположено на самой вершине на ровной площадке. Его конфигурация приближается к прямоугольнику со сторонами около 60 и 130 м. Северо-западная сторона

*Валы укреплений Галича
конца XIV — начала
XV в.*

крепости князя Юрия примыкает к верхней части укрепления XII века, и ров последней защищал новую цитадель. С юго-восточной части город Юрия Звенигородского был укреплен насыпными валами и рвами, смыкавшимися с оврагами. Несмотря на прошедшие полтысячелетия, израненные земляные твердыни выглядят внушительно и сурово.

Подготовившись к борьбе, князь Юрий осенью 1431 года отправился в Орду к хану Улу-Махмету. Выехал в Орду и князь Василий Васильевич. Долго томились в ожидании решения русские князья, одаривая приближенных хана тонконогими скакунами и собольими шкурками. Наконец, весной 1432 года хан вынес решение: «пожаловал князя Василия Васильевича великим княжением, а князю Юрию дал Дмитров».

Не успокоился князь Василий, получив ярлык на великое княжение. В этом же году захватил он город Дмитров и изгнал наместников своего дяди Юрия. На

свадьбе великого князя Василия 7 февраля 1433 года князю Юрию была нанесена вторая обида. С сына князя Юрия — Василия Косого был снят золотой пояс, который якобы был незаконно взят из казны московских князей. Началась двадцатилетняя братоубийственная война.

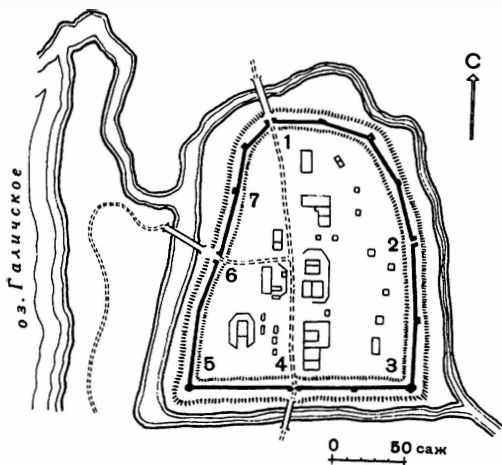
Завзвонили надрывно колокола у «соборной церкви Преображения, на посаде на подоле у озера», выстроились галичские воины, «поиде князь Юрий Дмитриевич к Москве ратью». В пасмурный апрельский день 1433 года, в двадцати верстах от Москвы, на реке Клязьме разбил князь Юрий войска молодого московского князя и победителем вошел в стольный град. Но недолго занимал великокняжеский престол князь Юрий. Вскоре 61-летний князь умирает. Борьба за великое княжение разгорается еще сильнее.

Галичский князь Дмитрий Юрьевич Шемяка возглавляет силы феодальной реакции, недовольные усилением московских князей, и вступает в заговор с князьями Можайским и Тверским. 12 февраля 1446 года, когда великий князь Василий II отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, Шемяка неожиданно захватывает Москву и пленяет самого великого князя. Летописец Воскресенского монастыря бесстрастно сообщает: «Шемяка поимал великого князя Василия Васильевича в церкви Троицы у Сергия чудотворца и привезоша его к Москве и выдра ему очи и послал его на Углич со княгиною и з детьми».

Однако удержать власть было труднее, чем ее захватить. Политика собирания русских земель, борьба московских князей с татарами получили всенародное признание. Шемяка, вероломно ослепивший великого князя, не смог опереться ни на «детей боярских», получивших земли от Василия II, ни на народ, больше всего страдавший от междоусобиц. Уже в следующем году он вынужден был бежать из Москвы. Последним оплотом Дмитрия Шемяки стал Галич. Дав на себя «проклятые грамоты» и обязавшись «не хотети... никого лиха князю великому и его детям», Шемяка втайне стал готовиться к борьбе с ослепленным им Василием Темным.

Более пятисот лет назад ходил по горе Балчуг князь Шемяка и спешно отдавал приказания возводить дополнительные укрепления.

Как обвинительный акт двуличному князю звучат слова писца: «А город крепит и пушки готовит и рать пешая у него».

Галич. План укреплений второй половины XV в. (По чертежу начала XVIII в. и описи 1628 г.)

- 1 — Архангельские ворота; 2 — Покровские ворота; 3 — «Глухая наугольная башня»; 4 — Успенские ворота; 5 — Шатинская башня; 6 — Афанасьевская проезжая башня; 7 — Тайнинская башня.

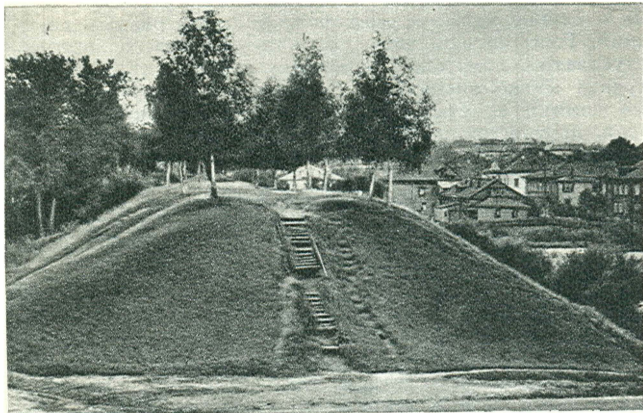
Стояли крещенские морозы, в суровом молчании застыли под снежной шубой леса, в облаке пара медленно продвигалось по замерзшему руслу речки Вёксы войско Василия Темного. 27 января 1450 года рать московского князя под командованием князя Оболенского достигла Галича. На заснеженных склонах, благословляемые священнослужителями, сошлись русские воины и «бысть сеча зла». Полки князя Оболенского наголову разбили мятежные силы. Еле успел Дмитрий Шемяка, как загнанный зверь, уйти и спрятаться за валами верхнего города. Под торжественные крики победоносного воинства прибыл к Галичу великий князь Василий II. Тяжело опираясь на посох и обратив пустые глазницы в сторону ошестинившегося пушками города, шел князь по земле, навеки включенной в состав Московского государства. Галичане не оказали сопротивления Василию Темному — «передашся ему», они «открыли ворота» своего города.

С небольшой дружиной Шемяка успел бежать в Великий Новгород, ища пристанища у противников московского князя. Но недолго прожил мучимый ненавистью и тщеславием Дмитрий, сын Юрия. В 1453 году он сам становится жертвой вероломства и, отравленный своим поваром, умирает в страшных мучениях.

Обветшала и крепость, укрепленная Шемякой; город под защитой сильных московских князей спустился с горы и начал растягиваться по берегу озера; менялись принципы фортификации, зарастали травой старые валы. Москва исподволь готовилась к борьбе с Казанским ханством. Укреплялись подвергавшиеся татарским набегам города, смыкалось полукольцо крепостей вокруг Казани. В конце XV века строятся новые земляные укрепления в Солигаличе. Окружается в 1508—1511 годах каменными стенами форпост Руси на Волге — Нижний Новгород; в 1536 году возводится земляная крепость в городе Буе. Видимо, во второй половине XV века⁶ построена и третья по счету крепость Галича, возведенная на низине, к югу от древнего городища. Она была выдвинута вперед, защищая расположенный за ней разросшийся посад. Северная часть «городового земляного вала» вписалась в дугу, образованную речкой Кешмой, а южная получила прямолинейное очертание и сомкнулась почти под прямыми углами с восточным и западным отрезками стены. Вдоль этих прямолинейных участков вала протянулся широкий ров, наполненный водой. В плоский гребень вала словно выросли могучие рубленые башни, связанные между собой деревянным боевым поясом стен.

За этими укреплениями галичане прожили достаточно спокойно до начала XVII века, когда в 1609 году отряд Лисовского сжег город. Долго бедствовало население Галича после набега захватчиков, погромов и разграбления, но постепенно время залечило раны, на городских валах снова сомкнули воинский строй рубленые башни, вперив взор черных бойниц поверх прижавшихся к земле изб. К концу XVII века галичские земли оказались в глубоком тылу мощного русского государства. Укрепления Галича потеряли свое стратегическое значение, о них перестали заботиться, громадные бревна и тесовые кровли подгнивали и обрушивались.

Остатки деревянных укреплений города еще существовали в первой половине XVIII века, затем исчезли и эти последние следы беспокойной жизни древнего Галича, и только величественные очертания земляных насыпей напоминают о тревожных, суровых временах.

*Галич. Земляной вал XV в.
и пруд на месте рва*

Редкий населенный пункт может похвалиться сейчас наличием трех последовательно возводившихся укреплений, начертавших гигантскими земляными контурами многовековую историю своего города. Земляные валы XV века вросли в городскую ткань современного Галича. На их боевых площадках выросли кудрявые березы, а крутые неприступные склоны покрылись травой и полевыми цветами. От глубоких рвов остались на углу улиц В. И. Ленина и К. Цеткин два уютных пруда со стайками домашних уток и шаткими мостками. Обмелела и некогда труднопроходимая речка Кешма, превратившись в небольшой ручеек с заболоченными берегами. Земляные твердыни Галича потеряли свой грозный вид и приобрели характер привычной достопримечательности, которая примелькалась и не вызывает удивления.

Древние валы — чудные места для прогулок. Город лежит у ваших ног, морщинки улиц избородили его чело, лихолетья оставили глубокие оспины, а время спа-

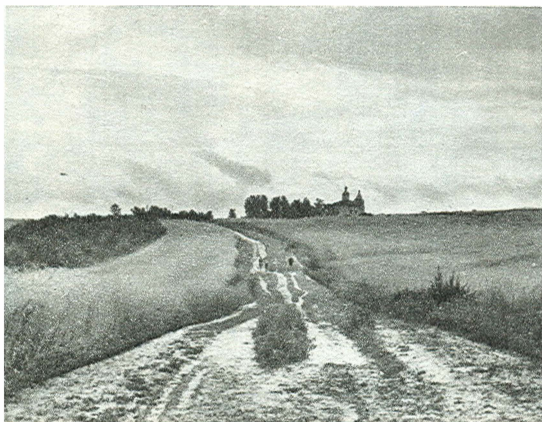
яло в единое целое возможности и вкусы разных поколений. Россыпи пепельных, коричневых, белых, желтых, голубоватых домиков попеременно с пятнами зеленого бархата мягко ниспадают к Галичскому озеру. Отдельные домики запутались в зеленых сетях, окруживших город, другие припали к береговой полоске озера, а некоторые взобрались на окружающие вершины. Вырвавшись из плена городской застройки, расположился на одной из возвышенностей, окружающих город с юга, старинный Паисиев Успенский монастырь.

ОБИТЕЛЬ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ. За железнодорожной линией, на горе возвышаются между старыми трактами на Кострому и Кинешму храмы Паисиева монастыря. Лента дороги ползет по глиняному кособоку вверх к бывшим землям боярина Иоанна Овина, на которых в XIV веке был основан галичанином Паисием Никольский монастырь. Сколько людей прошли за шесть столетий по этой дороге, бегущей среди полей и перелесков? Сколько дум и стремлений вызывали спрятавшиеся в зелени, ставшие частью пейзажа монастырские строения? С мольбой о простом человеческом счастье и страстным желанием найти отдохновение от невыносимых житейских тягот, с трепетной надеждой и безысходной тоской многие лета и зимы брели галичане и заходяе странники по дороге к обители.

Трудно найти более простой и сильный образ Древней Руси, чем эта затерявшаяся среди ополий, мягко стелющаяся дорога с лаконичным силуэтом храма на горизонте.

Долгое время над золотыми колосьями маячат только верхушки церквей и деревьев, колеблемые знойным маревом. По мере приближения контуры становятся четче, поднимаются стены, растут зеленые стражи и начинают вырисовываться треугольники крыш соседней деревушки.

Примерно шестьсот лет назад на горе Краснице возник монастырь. Надо полагать, что он являлся форпостом Галича, прикрывавшим город с юго-востока. Не одна деревянная церковь сменяла свою предшественницу, прежде чем поднялся над обителью каменный храм в честь Успения Божьей матери. Точная дата построения каменного первенца неизвестна. Профессор А. И. Некрасов относит его строительство к XVI веку. Облик храма подтверждает выводы ученого. Образцом для Успенского собора, видимо, послужили известные монастырские

Галич. Дорога в Паисиев монастырь

храмы. Связи Галича с московскими монастырями — Симоновым, Троице-Сергиевым — были давними. Еще в XV веке эти крупнейшие феодальные хозяйства имели свои соляные варницы на Галичской земле.

Крепкими церковными узами был связан Галич и с Ростовом, архиепископу которого подчинялось его духовенство. Знакомы были мастерам Галича и недавно возникшие на Вологодской земле каменные церковные постройки.

Строительство храма из кирпича было большим событием не только в жизни монастыря, но и Галича. Возведения храма, несомненно, предшествовали долгие обсуждения его вида, размеров, стоимости. В длинные зимние вечера, в пропахнувшей ладаном и кислыми щами трапезной собирались иноки Успенского монастыря и при мигающем пламени свечей вели беседы о будущем каменном соборе Успения. Седовласые старцы рассказывали о виденных ими церквях обители преподобного

*Галич. Паисиев монастырь.
Вид Успенского собора
с северо-запада. XVI в.*

Сергия, степенные мужи советовали обратиться к известным ростовским зодчим или мастерам, соорудившим храмы в Кирилло-Белозерском монастыре.

История скрыла от нас, кто пожертвовал свою казну на строительство каменной церкви в малоизвестном далеком монастыре, какое событие послужило поводом для возведения дорогостоящего памятника человеческой веры и страха. Молчат лишённые прикрас стены, держат в тайне приземистая колокольня имена зодчих. Только по творческому почерку можно строить предположения о происхождении мастеров, о их художественной школе. Некоторые черты архитектурного облика, обособленность закомар от плоскости стены, лаконизм художественного языка напоминают руку ростовских мастеров. Тонкие стилистические нити протягиваются от Успенского собора и к Кирилло-Белозерской обители, к ее розмыслам⁷, которые возвели на берегу Сиверского озера своеобразные храмы. Они, как и ростовские мастера, тоже отреза-

ют кирпичными полочками закомары от плоскости стен, как бы превращая их в декоративный элемент завершения церкви. Какие-то отзвуки античного архитектурного мышления чувствуются в строгом сочетании стройных лопаток с завершающим их горизонтальным поясом. Невольно возникают аналогии с ордерной системой. Своеобразная классичность кирилло-белозерских церквей понятна, если вспомнить, что в конце XV — начале XVI века на Руси работали итальянские архитекторы. Характерен и пластически выразительный портал с остроугольным завершением, придающим ему килевидное очертание, получившее наименование у древнерусских людей «бочки». Подобные порталы украшали раннемосковские культовые постройки и храмы монастырей. Хорошо научились выкладывать из кирпича криволинейные обрамления портала и каменщики Кирилло-Белозерского монастыря.

Трудно без специального углубленного анализа отдать предпочтение той или иной архитектурной школе. Единственно, что очевидно, Успенский собор Паисиева монастыря — редкий памятник, в котором отразились влияния местных северных художественных тенденций.

Значительный интерес представляет прижавшаяся к юго-западному углу Успенского собора невысокая, словно вросшая в землю колокольня. Устойчивый прямоугольный объем звонницы спрятался за широкой спиной храма, и только небольшой конус каменного шатра возвышается рядом с цилиндром барабана. Есть все основания считать, что в Паисиевом монастыре сохранился один из древнейших образцов шатровой колокольни, возможно, конца XVI века.

Архаические формы этого сооружения легко ассоциируются с замечательной Успенской церковью-колокольней на Кубенском озере, чей силуэт дополнил в 1543—1549 годах красу водного простора.

Мягко стелется по траве тропинка, огибающая Успенский собор с востока. Полукружия апсид прячутся в зелени, закрывая маленький придел во имя преподобного Паисия. По преданию, под спудом каменной массы покоятся мощи «строителя и игумена» Успенского монастыря Паисия Галичского. Житие этого галичского «святого» наполнено далеко не только духовными делами, а и сугубо мирскими. Если отбросить явно тенденциозные сведения о чудодейственных актах Паисия, которые были необходимы для усиления авторитета местного чудотворца, то пред нами предстает дальновидный

политик — сторонник великого князя Московского. Паисий, очевидно, был единомышленником Ионы — митрополита Московского и всея Руси, который до этого был постриженником одного из галичских монастырей. Иона, хотя и был уроженцем солигаличского села Одноушева, стал противником князя Шемяки и горячим словом боролся за объединение русских земель. Связи галичского игумена с Москвой подтверждает факт возвращения Паисием почитаемой горожанами иконы, захваченной в 1434 году, когда войска Московского князя «повоеваша и пожже Галич». Для возвращения галичской святыни Паисию пришлось ехать в Москву. Поездка настоятеля малоизвестного тогда Успенского монастыря была весьма успешной, так как он не только получил икону у победителя галичских князей, но в придачу к ней и значительную сумму денег на восстановление монастыря. Именно с тех пор Успенский монастырь стали именовать Паисиевым.

Второй раз едет старец Паисий в Москву в разгар борьбы галичских князей за великокняжеский престол, когда после смерти Дмитрия Красного (1441) должен был решиться вопрос, кому достанется Галич. В житии Паисия рассказывается о необычно торжественной встрече галичского игумена в Москве, с колокольным звоном и крестным ходом, что лишний раз говорит о большой роли игумена Успенского монастыря в политической жизни княжества.

Сразу за пределом Паисия вытянулась с запада на восток вторая церковь — св. Живоначальные Троицы. Сохранившееся летописное указание позволяет датировать Троицкую церковь 1642 годом. Согласно записи современника, в этом году князь Алексей Михайлович Львов заложил каменный храм в Паисиевском Успенском монастыре. Двор князей Львовых находился в кремле Галича, а княжеские вотчины раскинулись широко на привольных землях Заволжья. Словно хоромы себе, воздвиг князь храм в духовной обители. Неизвестные каменодельцы сложили необычную церковь: три палаты выросли на прямоугольном подклете; средняя поднялась выше и была завершена ложными закомарами, сверху которых встали в ряд поперек храма три главы. С запада к этому необычному церковному объему примкнула трапезная палата, а с востока — прямоугольные алтари. Скупость декора и геометрическая отточенность плоскостей роднят две постройки, разделенные эпохой Смутного времени.

*Галич. Вид Паусиева
монастыря в начале XX в.
Старая фотография.*

Однако внимательный взгляд может уловить различия между двумя монастырскими храмами. На Троицком храме заметен налет светского духа — то мирское начало, которое проникает и за высокие стены монастырей, предвещая начало эпохи «обмирщения». Облик храма напоминает гражданскую постройку с теремом, а рисунок наличников близок обрамлениям палатных окошек. Оригинальность Троицкой церкви усиливалась необычным трехглавием: как символы триединой власти — бога отца, сына и духа святого — выстроились в шеренгу главы храма. Уникальность композиции сейчас не воспринимается: лишившийся трехглавия, храм окончательно стал похож на жилое здание. Уныло выглядят лишённые завершения, с пустыми глазницами растесанных окон выщербленные стены Троицкой церкви.

Лаконизм внешней архитектуры резко контрастировал с декоративной пышностью интерьера. Гладь наружных плоскостей сменялась пластическим богатством рез-

ной утвари и красочностью стенной живописи, но самое удивительное, что церковное убранство по стилю напоминало французское рококо. Особенно поразительны были царские врата, словно выполненные мастером Людовика XV. Появление в православном храме затерявшегося среди дремучих лесов монастыря фряжских декоративных мотивов остается на сегодня загадкой.

Но вернемся в город Галич и постараемся мысленно представить его таким, каким он был сотни лет назад.

«ЛУЧШИХ И СЕРЕДНИХ ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ В ГАЛИЧЕ НА ПОСАДЕ НЕТ». Медленно бредет дьяк⁸ Василий Бобынин по запустевшим, темным и грязным улочкам Галича. Прошел еще один тяжелый день 1635 года. На свитке появились десятки новых описанных дворов с точным указанием их владельцев, состава семьи и имущественных возможностей. Невеселые думы наполняют голову государева служилго человека. Как пожалуют его за многие дни работы, за точную перепись человеческого горя и недостатков. Ведь царской казне после Смутного времени так нужны деньги. В стольном граде, в Кремле, начали возводить невиданный каменный Теремной дворец. В приказе ему строго наказывали составлять «сошное письмо» так, чтобы «денежных всяких доходов, откупных и оброчных денег пред прежним прибыло». А как это сделать, если город после разорения его в 1609 году отрядом Лисовского еще не оправился. Даже в Кремле Галича среди боярских и дворянских дворов одна треть— 30 дворов — пустых, да еще 15 погорелых, брошенных дворовых мест. А «лучших и средних посадских людей в Галиче на посаде нет; а которые лучшие люди были, те взяты к Москве в гостиную и суконную сотню, а иные померли»⁹.

Страшно, когдаходишь через пустой проем калитки в заброшенный двор, без лая собак и окриков хозяев. Во двор, жители которого или померли, или разошлись безвестно от долгов и от бедности. Двести одиннадцать пустых дворов на посаде, чуть меньше, чем всех дворов тяглых людей. Тяжкий след оставили годы лихолетья и насильства польско-литовских захватчиков. Даже храмы не пожалели антихристы, сожгли Спасо-Преображенский собор и церкви Афанасия Александрийского и во имя Рождества Христова, а многие иные пограбили.

Усталые за день ходьбы ноги спотыкаются о давно не чинившиеся торчащие плахи мостовой. Расстояние в

двести саженей от Успенских ворот крепости до Архангельских кажется вдвое большим. Вот могучие, около четырех саженей в высоту земляные валы, окруженные рвом с водой и рекой. Отдельные уцелевшие громадные бревна деревянного тына и сильно погнившие башни, словно былинные часовые, стоят на насыпи и продолжают охранять многострадальный город. Мощную крепость соорудили горододельцы российские. Давно это было, не при жизни Василия Бобынина. В конце XV века окрестные крестьяне и посадские люди начали под смотрением городских дел мастеров копать ров и возить землю на вал. С молебном заложили основание новой крепости, почти вдвое большей древнего городища на Шемякиной горе. Только силища народная могла создать такую гору, что не видать за ней изб простолюдинов. А ширина какая! Поверху вала две телеги разъехаться могут. И застучали, как дятлы, топоры. Торопятся древоделы скорее сделать тын высокий и поставить башни. Того и гляди, нагрянет татарва и пойдет прахом вся работа. С великим старанием укрепляются трое ворот крепости. Пыльные ленты костромской и кинешемской дорог, петляя, сбегаются к Успенским воротам с башней, шириной в пять сажен. Архангельские ворота выходят на посад, который разметнул свои дворы между старым и новым укреплениями. Красивый получился въезд в город с шестиугольной рубленой башней над воротами «с навесы». Над дубовыми полотнищами ворот затеплилась лампадка у образов Троицы и архангела Михаила, почему и прозвал народ ворота эти Архангельскими. Третьи ворота — Покровские — выводили за город в сторону чухломской дороги¹⁰. В сторону озера можно было попасть через Афанасьевскую башню с проездом. Недалеко от нее к северу опытные городовых дел мастера соорудили глухую Тайницкую башню, где был скрыт подземный ход к речке Кешме, или, как ее иногда называют, Желшме. С помощью этого тайника город обеспечивался водой в осадное время. Углы южного, наиболее опасного участка стены были укреплены могучими, по пяти сажен в поперечнике шестиугольными башнями. А всего дьяк Бобынин насчитал двенадцать башен. По шатким мосткам переходит дьяк речку Кешму. Обмелела речушка, да и ров сильно загрязнен, местами можно легко перебраться через него. Поэтому, очевидно, и пан Лисовский смог взять Галич. Небось в 1524 или 1538 году «приходили татарове под Галич: посад пожгли, а град Господь сохранил неврежен, и отыдоша». Не одолели татарские

полчища широких рвов с водой, высоких, покрытых скользкой глиной валов и крепкого тына с башнями и страшными жерлами пушек.

Воевода тоже хорош, одно знает — меды попивать. Надо обязательно приписать, что крепость починки требует. Трудно галичанам, даже бояре, дворяне и дети боярские обеднели. Не по чину дворы князей Волконского, Галицыных, Куракина, Львовых — не сравнишь их с хоромами княжескими в Москве. Зато люди есть в Галиче очень интересные, книжное дело знают зело. К примеру, дворяне Незельские или большая семья Свиных.

Поди как Свиных Пятой расхваливал свой родной город. А и впрямь красив Галич с Поклонной горы или с дороги на Паисиев монастырь. Приплюснутые, шаровидные и вытянутые вверх маковки храмов, остроугольные верхи звонниц и башен словно плавают на мерцающей поверхности озера. Храмы цепочкой вытянулись вдоль берега, их завершения с крестами сплелись в своеобразные букеты внутри кремля и возле старого городища на Шемякиной горе. За валами крепости возвышались в конце XVI века четыре храма, а на посаде — более десяти, не считая монастырских.

Монастыри, как и в других виденных Василием городах, заняли места поотдаль от мирской суеты. Только монастырь Николая Чудотворца на Староторжье со временем оказался в гуще посадской застройки. К северовостоку от древнего Галича Мерьского на берегу озера разместился мужской монастырь Василия Кесарийского. Правда, к нему тоже уже почти дотянулась полоска изб Рыбной слободы. Чуть менее версты дальше по берегу привольно раскинулись постройки девичьего Зачатьевского монастыря.

К югу от Галича, между костромской и кинешемской дорогами, на горе высятся старинные храмы Паисиева монастыря, а юго-западнее города в живописной местности возле озера спрятались среди зелени нехитрые сооружения Флоровской обители.

Поглядишь на город с высоты, на богатства земные, на ширь водную, и кажется, жить бы людям в довольстве и радостях. Вспомнилась дьяку книга англичанина Д. Флетчера, которую он видел в Посольском приказе, «О государстве Русском или образ правления русского царя», изданная в Лондоне в 1591 году. Не нахвалится в ней иноземец на русские меха и, между прочим, пишет, что лучшие беличьи, рысьи и горностаевые шкур-

ки шли из Галича и Углича. Не один европейский монарх хаживал в русских горностаевых мантиях из лесов галичских. А сколько рыбы в Галичском озере и реках, впадающих в него. И хотя рыбные ловли «на оброке у Галичан», но, видимо, велик оброк.

Ясно опытному дьяку, что много неправедных дел творится в земской избе. Налог с воскобойни платят посадские люди по старым отписям, а по его письму, Василий Бобынина, воскобойни нет. Нет и перевозу, за который взимался оброк. А сколько всяких других откупов: за сусло и квас, за мельницы и кабак, площадное письмо и соляной ввоз, за конские площадки и сенные покосы, да всего и не припомнишь.

Ан сохранились еще в Галиче «купчины корыстные». Вон какие соляные амбары настроили, как хоромы. Да и в рядах — Большом, Верхнем, мясном, рыбном, горшечном и других — есть отдельные лавки добрые. Конечно, немного их. К тому же некоторые ряды уж больно малы. Свечной ряд состоит всего из четырех лавок, а хлебный и калашный так вовсе из одних скамей.

Пусто к вечеру на торгу, одни лишь бездомные псы и разбойные воробьи дерутся за отбросы, мелькнет случайная фигура прохожего, а может быть, и тати. Зябко ежится дьяк Василий Бобынин и ускоряет шаги. Скоро, за избой таможенной, и двор, где он остановился.

УЕЗДНЫЙ ГОРОД ГАЛИЧ И ЕГО ТОРЖИЩЕ МНОГОЛЮДНОЕ. Сильно удивился бы дьяк Василий Бобынин, очутившись в наши дни на улице Свободы, прорезавшей бывший кремль Галича от канувших в Лету Успенских ворот до Архангельских. Не узнал бы служилый человек древней, покрытой бревнами улицы с шеренгами заборов, частоколов, заплотов, с высокими жердями «журавлей» и фронтом тесовых кровель. На месте старого перекрестка дорог, где возвышался рубленный собор Преображения, стоит аккуратно оштукатуренное здание с суховатыми колоннами и монотонными линиями карниза. Это остатки последнего по счету Спасо-Преображенского собора, сменившего в 1815 году своих предшественников. Собор лишился куполов, утратил первоначальный вид и изменил свои функции. Страхнув символическое пятиглавие, он превратился в хлебокомбинат. По соседству за забором стоит теплый храм Преображения. Это оригинальное произведение возникло в годы, когда закатывалась слава непревзойденного мастера барокко — Растрелли, и

*Галич. Храм
Преображения.
Фрагмент наличника.
1774 г.*

русское зодчество твердо поворачивало на путь классицизма. Освященный в 1774 году, собор собрал воедино веяния различных художественных эпох. Строили этот храм, несомненно, местные мастера. В соборную церковь они вложили все свое искусство, всю свою выдумку, все свое знание непонятных им заморских архитектурных деталей. Закрепив углы здания классическим рустом, выполненным из обычного кирпича, каменодельцы, стремясь подражать феерическому таланту сиятельного графа Растрелли, вяжут из кирпича необычное кружево оконных наличников. Этот блестящий пример местного мастерства сильно пострадал при растеске окон. Но и то, что осталось, в частности смелый самобытный рисунок обрамления, говорит о таланте умельцев и заставляет жалеть о потере столь оригинального произведения, сочетающего необъяснимым путем элементы западноевропейского архитектурного языка с народным северным говором. В соборе среди мерцающей на голубом фоне позолоты

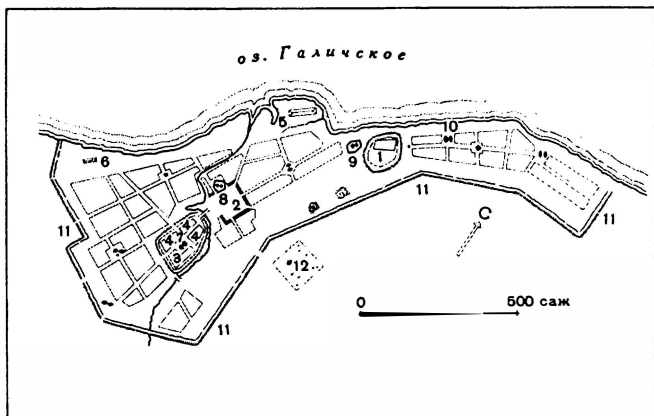

Схема плана города Галича в конце XVIII — начале XIX вв.

1 — Старое городище; 2 — «Под каменной гостиной двор»; 3 — «Каменные казенные строения»; 4 — «Под каменные обывательские до-

мы»; 5 — «Под мясные и рыбные ряды»; 6 — Мясные бойни; 7 — Преображенский собор; 8 — Богоявленская церковь; 9 — Женский монастырь; 10 — Церковь Василия Великого; 11 — «Вал и ров к ограничению»; 12 — Кладбище

хранилась одна из реликвий Галича — образ Спасителя кисти мастера первой половины XV века. По народному сказу, древняя икона была собственностью Дмитрия Шемяки, но для нас более важно, что это произведение принадлежало московской иконописной школе, тесно связанной с Андреем Рублевым.

Перекресток с двумя соборными храмами потерял значение центра города. Центром города становится шумная, многолюдная базарная площадь, которая возникла еще в конце XV века возле Архангельских ворот. После последнего разорения в многострадальные годы Смутного времени город оправился, живая ткань улочек и переулков поползла от кремля к Рыбной слободе и к современному вокзалу. Наполнились товарами деревянные лавки и амбары. Из Галича на скрипучих возах повезли в Нижний, Ярославль, Москву пушистые меха, дубленые кожи, душистое янтарное масло, потянулись длинные соляные обозы. Покрывались зеленой травой неприступ-

ные скаты валов, оседали могучие деревянные стены, подгнивали основания воротных башен. Уходил в прошлое укрепленный феодальный город.

Петр I включает Галич в состав Архангельской губернии, а Екатерина II делает его уездным городом Костромской губернии. Превращение Галича в 1778 году в центр Галичского уезда послужило толчком для составления регулярного плана города. Растянувшуюся вдоль озера на две версты беспорядочную городскую застройку умелые руки зодчего вписали в правильные прямоугольники, трапеции и треугольники, сгустившиеся к базарной площади. Древнее торжище Галича стало композиционным центром, сменив кремль. Составитель плана начертал на месте торговой площади квадрат и написал: «Под каменной гостиной двор об одном этаже в круг сей площади».

Много видела торговая площадь на своем веку. Видела она обыденные базары и народные гуляния, слышала наказы, выкрикиваемые глашатаем, и стоны казнимых. На площади строились не только лавки и балаганы, но возводилась плаха и ставилась виселица. В присутствии воеводы палач рубил голову государевым преступникам или руку обычным вора́м. Прокатывались по площади и волны народного гнева. Во время крестьянской войны на торжище «шумело всенародство». Соратник Степана Разина — Илья Пономарев — прошел через Галич, проповедуя крестьянскую правду и сея смуту. Многие рабочие люди и крестьяне примкнули к его отряду. Но недолго носил свою буйную головушку Илья, сын Пономарев. Разбитый в неравном бою тотемским воеводой Ртищевым, он был схвачен в плен и повешен. Труп Ильи Пономарева был вторично повешен на торговой площади Галича, чтобы убедить галичан в смерти народного вожака и попытаться утихомирить массовые волнения.

Свой современный вид площадь приобрела в 1825 году, когда был закончен по проекту вольнодумца, высланного из Петербурга архитектора Фурсова, гостинный двор. Как бы продолжая линию главной магистрали, прорезавшей вдоль весь Галич, вытянулись во фронт торговые ряды, организуя пространство площади. Как солдаты на параде, замерли в стойке смиренно десятки колонн и арок, отдавая честь развивающемуся капиталу. Пестрые вывески с фамилиями купцов Сотниковых, Павловских, Вакрина и других «капиталистов» гордо нарушали строгость архитектурного строя. Спиной к озеру

*Галич. Гостиный двор.
Архитектор Фурсов. 1825 г.*

выстроились две пары рядов: первые — каменные с придавленными тяжестью антаблемента приземистыми арками, вторые — деревянные с жидкой шеренгой столбов, окруживших двухэтажные амбары. Деревянная Русь отступила, уступив место каменной России. Выставив вперед четырехколонные портики, ряд арок словно хочет шагнуть вперед, навстречу колонным галереям гостиного двора, который занял место напротив, на возвышении, врезааясь в склоны древней Поклонной горы. Многолетний опыт научил собирать все лавки в единый прямоугольник, создавая хороший для покупателей обзор предлагаемых товаров и обеспечивая подъезды и загрузку лавок с заднего фасада или из внутреннего двора. Тяжеловатые, преисполненные достоинства колонны, напоминающие псковские столбы, объединили торговые помещения и образовали удобную крытую галерею перед лавками. Обрусевшие античные опоры примкнули к своеобразной триумфальной арке, увенчанной фронтоном.

*Галич. Торговая площадь
в базарный день.
Фотография 1929 г.*

Через эту арку въезжали внутрь гостиного двора победители коммерческих баталий.

Решающие сражения происходили раз в год на галичской ярмарке, которая проходила с 1 по 6 декабря. Неделю шумела площадь, человеческий прибой то лениво плескался среди возов и лотков, то, задорно улюлюкая, разбивался о яркие балаганы и кабаки. Чего только не привозили местные ремесленники, костромские купцы, ярославские торговцы, павловские мастера, представители московских и питерских фирм! Здесь и хомуты, и сапоги, и прославленные ножи из села Павлова, и аглицкие сукна, на прилавках разложены разноцветные ивановские ситцы, персидские ковры, блестят и переливаются сахарные головы, висят длинные связки сушеных грибов и седые шкурки чернобурых лисиц. Под зазывные крики торговцев продаются глиняные миски и заморские апельсины, неистово торгуются вокруг лошадей и с жаром бьют по рукам в рыбных рядах. Все есть на

*Галич. Торговая площадь.
Справа церкви
Богоявления
и Великомученика Георгия
Старая фотография*

ярмарке — от китайского фарфора до замшевых перчаток галицких мастеров. Крутятся расписные карусельные коники, гримасничают заезжие фигляры, заливается надрывно гармонь, заунывно причитают калики перехожие — веселится ярмарка. В харчевнях кипит крепкая рыбацкая уха, варятся в масле пироги с мясом, которыми по сей день угощают в Галиче, а в ресторации стреляют бутылки с шампанским — гуляет ярмарка.

Красива торговая площадь и в наши дни. Ее суровый практицизм и пустынность в обычные дни смягчается барьером зелени, отделившим верхние ряды от нижних. Площадь стала уютнее, человечнее и в то же время сохранила крупный масштаб, присущий большим населенным пунктам. Почти невозможно представить город Галич без огромного пространства площади, ограниченного гостинными рядами, — это его архитектурное лицо, его окаменевшее прошлое. Считанные города могут похвалиться таким целостным ансамблем торговой площади.

За торговыми рядами, ближе к озеру, возвышался отжатым ходом истории на задний план комплекс Богоявленской церкви, в прошлом мужского монастыря. Три разновеликих здания с отличными друг от друга силуэтами составляли композиционно единую живописную группу. Небольшой объем церкви Великомученика Георгия с игрушечным пятиглавием, величественный ярусный храм Богоявления и стройная шатровая колокольня — редкие памятники Галича, датируемые концом XVII века. В настоящее время от своеобразного ансамбля Богоявленской церкви сохранилась только нижняя часть самой маленькой постройки, да и та находится в плачевном состоянии и практически недоступна для обозрения. Широкие лопатки плотно сжимают в своих объятиях узорные наличники, как будто хотят укрыть талантливые произведения «каменосечной хитрости». Окошки, защищенные обрамлениями, сбиты к центру, намечая ось, на которую были нанизаны купола. Несоразмерно большая пристройка почти прямоугольной формы, напоминающая скорее башню, чем церковную апсиду, прижалась к основному объему.

Около трехсот лет назад неизвестная артель каменщиков с участием местных мастеров расчертила на земле с помощью колышков и веревок оклад храма. Весь город ходил смотреть на медленно поднимающуюся из земли необычную для галичан каменную постройку, в которую были вложены и их трудовые деньги. Набожно крестились старухи, с любопытством взирали мальчишки на быстрые, умелые движения каменщиков, с пониманием оценивали высокое мастерство мужики. Каменные храмы были гордостью горожан, в них воплощалась их любовь к родному городу, их наивная вера и понимание прекрасного. Новгородские дружины шли на врага с боевым кличем «За святую Софию» и степенно говорили: «Где София, ту Новгород». Сколько церквей на Руси было поставлено в честь победы над врагом, сколько срублено было часовен в память о страшном море или гладе! Как монументальные памятники своей эпохи, как песня без слов, застывшая в камне, стоят предивные храмы, произведения народного гения.

ПРОБОЙНАЯ УЛИЦА. К древнейшему городищу на горе Балчуг в екатерининские времена была проложена Пробойная улица (ныне имени Луначарского). В грозные дни 1919 года Анатолий Васильевич Луначарский

*Галич. Бывший дом купцов
Каликиных*

проверял работу местных Советов. 20 мая в доме бывшего городского головы на собрании коммунистов, в застланном махорочным дымом зале звучала пламенная речь народного трибуна. Вместо звуков вальса, под которые еще недавно беспечно кружилась знать города, разносились суровые призывы бороться против разрухи и саботажа.

Сейчас в ничем не примечательном двухэтажном кирпичном доме городского головы купца Нешпанова находятся краеведческий музей и библиотека. На стенах и стендах выставлены документы из богатой событиями исторической жизни города.

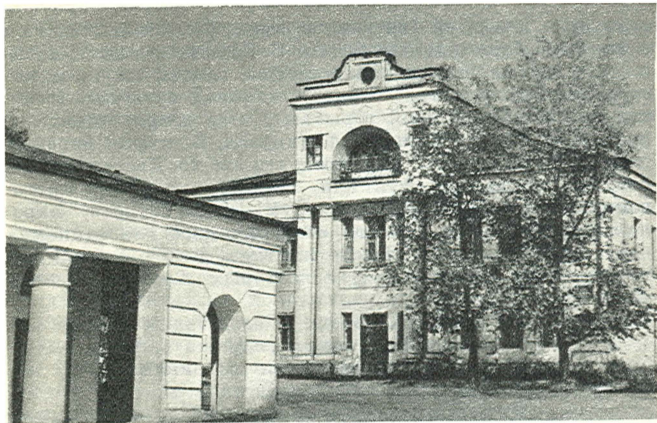
Любителям искусства доставят удовольствие картины галичского художника Сергея Александровича Власова. Он мастер живого наброска, свежего и непосредственного. Его произведения проникнуты любовью к родному городу, его жителям, старине. Небольшие полотна «Базарная площадь в Галиче», «На базаре», «Вид г. Галича» изоб-

ражают с документальной точностью Галич в начале XX столетия.

Среди других живописных работ, выполненных в основном в духе передвижников, обращает внимание портрет неизвестного. Есть предположение, что это изображение молодого А. Ф. Писемского. Картина поступила в музей из усадьбы Знаменское, где часто бывал писатель, который с 1848 года занимал должность чиновника особых поручений при костромском губернаторе. Объездивший на перекладных всю Костромскую губернию, произведший не одно дознание, знакомый с изнанкой крепостной системы, с ее бесчеловечностью, А. Ф. Писемский хорошо знал жизнь своего края, его людей, их обычаи и привычки. В автобиографическом романе «Люди сороковых годов» художник создает галерею живых образов тех людей, которых он видел в Костроме, Галиче, Чухломе, с которыми беседовал в уютных поместьях, обзодоленных деревнях и затерявшихся в лесах выселках.

Наискосок от музея возвышаются на каменном подклете деревянные хоромы в псевдорусском стиле с дверями в характере австрийского модерна. Это особняк купцов Каликиных, владельцев кожевенного завода в деревне Шокше. Купеческий особняк в первые годы Советской власти сменил своих обитателей. Девушки в красных косынках и юноши в буденовках заполнили здание. Рабочий шум нарушил парадную тишину приемных комнат, дерзко начала выбивать дробь пишущая машинка, на бурных собраниях, в пылу горячих дебатов рождались постановления первого уездного комитета комсомола.

Купцам Каликиным принадлежал еще один дом на улице Луначарского, № 32, в котором сейчас находится мебельная фабрика. Его отличает особая, благородная простота, выдающая руку хорошего зодчего. Скорее всего, это столичный «образцовый проект», выполненный незаурядным мастером. Предельная скупость архитектурного языка, гармоничность пропорций и композиционная ясность построения ставят купеческий дом в ряды настоящих произведений зодчества. Только четыре плоские пилястры, выделяющие центр, украшают уличный фасад, над ними — изящно прорисованный, придающий художественную остроту зданию игривый фронтонычок со слуховым окном. Его декоративная трактовка, напоминая вкусы времен барокко, позволяет датировать постройку концом XVIII века.

Галич. Дом пионеров

Недалеко от каликинского дома, на противоположной стороне улицы, претенциозно возвышается довольно неуклюжее здание школы № 3. Оно известно в городе как «дом, который строили французы». Полузамерзших воинов «стоязыкой армии» закинула превратность судьбы за тысячи верст от родной Франции в неизвестный далекий Галич. Пришли они в городок на озере не как победители, увенчанные лаврами, не как блистательные гвардейцы «маленького корсиканца», а как военнопленные разбитой армии Бонапарта. «Покорители России» скоро пообвыкли, надели теплые овчинные тулупы и сменили мушкеты на лопатки каменщиков. Неудачливые вояки не проявили большого таланта и в области архитектуры. Бьющая на эффект театрализованная композиция с приподнятым на спаренных колоннах мансардным этажом, украсившая город в 1813 году, имеет мало общего со стилем ампир и скорее напоминает дворянские особняки Москвы. Помещичьим бытом веет от полукруг-

лого окна девичьей светелки с тонкими металлическими вензелями балконной решетки. В Галиче имеются двойники этой, видимо, понравившейся власти имущим постройки. Выше торговых рядов, начиная с улицы Летнева, на фоне Поклонной горы красуется второе аналогичное произведение пленных французов. В старом барском доме шумит юность, дом превратился во Дворец пионеров. Изменило свои функции, став гостиницей, и противоположное здание городской думы и магистрата, сохранив, к сожалению, сухость «казарменного классицизма» николаевских времен. После жестких линий и безликости колонн с фронтонами, о которых блестяще писал Алексей Толстой:

«В мои года хорошим было тоном
Казарменному типу подражать,
И четырем или шести колоннам
Вменялось в долг шеренгою горчать

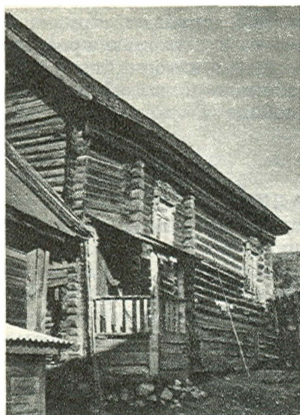
Под неизменным греческим фронтоном...» — глаз отдыхает на живом, наполненном теплом подлинного творчества рисунке уютных деревянных домиков. Галичане издавна славились плотничьим мастерством. На улице Луначарского тоже имеются образцы работы галичских древоделов (дом 50 и другие).

Небогатый пахотными землями, Галичский уезд не мог прокормить своих крестьян, и отходничество издавна было распространено в этом районе. Особенно много галичан уходило в Питер на заработки. На специальных рынках, где продавалась и покупалась рабочая сила, где заключались подряды и производился найм, стояли целые строительные артели. Особенно славился рынок у Сенного моста на Мойке. Живой товар степенно похаживал, выставляя напоказ орудия своего производства или, вяло перебрасываясь словами, сидел у воды и терпеливо ждал работодателя. На фоне великолепного дворца Чернышева странно выглядели эти живописные группы мужиков. В сборище оброчных был свой порядок: ярославские маляры в фартуках, с ведрами и набором кистей занимали свое место; на каменных плитах сидели с лопатами в руках землекопы из Белоруссии; поодаль важно возвышались в длиннополых армяках, напоминая деревянные игрушки, ямские кучера; сбившись в кучку, от которой исходил особый кисловатый запах, стояли кожевники из Чухломы; дальше, словно сказочные богатыри, поблескивали иссиня-черными пилами олонцекие пильщики; с острыми топорами за поясом степенно прохаживались галицкие плотники.

Много красивых, добротных изб срубили трудовые руки, с непостижимым мастерством с помощью простого топора создавались затейливые узоры и тончайшие кружева подзоров. Следы этого искони народного искусства еще встречаются в Рыбной слободе Галича и деревне Шокше.

СЛОВОДА «РЫБОЛОВЕЙ ГАЛИЧЕСКИХ». Шемякина гора с прижавшимся к ее подножию монастырем, подобно водоразделу, отделяет город от слободы, каменные постройки — от царства дерева. Словно пограничный столб, возвышалась колокольня на святых воротах Никольского монастыря, за ней начинался особый мир рыбаков. Рыбная слобода возникла в незапамятные времена. Почти пятисотлетней давности грамота говорит о наличии уже тогда на Галичском озере рыбацкой артели. Великий князь Василий Иванович в 1506 году «пожаловал есми своих рыболовей галических... озером Галицким, да корытинами, что около того озера, да рекою Вексою». Предоставление рыбакам возможности ловить рыбу на озере было далеко не безвозмездным. За год тридцать рыбаков должны были заплатить «полтретьнацать рублей, оприче подледныя ловли». В XVI веке это была большая сумма.

Проходили столетия, менялись цари, свирепствовала чума и бушевали пожары, но рыбацкие домики упрямо выстраивались в цепочку у кромки озера. Старинной вьет от Набережной улицы. За плотными воротами нередко можно встретить рубленую избу столетней давности, на высоком подклете с кружевными наличниками, крытую лемехом. Многие участки непосредственно выходят к реке. Трехконный дом с фронтоном на улицу, обрамленный бревенчатой вязью, с завалинкой занимает почти всю ширину надела, оставляя только небольшое место для ворот. Наждем кованую ручку калитки и зайдем в небольшой передний двор. Особая обстановка, своеобразный мирок, сочетающий патриархальный уклад с современностью, встречает вас. Рядом с деревянной бадьей прислонен лодочный мотор, на вытесанном из целого бревна корыте стоит в ярком пластиковом флаконе новейшее средство для стирки. Из будки, лениво потягиваясь и пугая кур, выползает кудлатый пес, он для порядка лает и одновременно извиняюще помахивает хвостом. Открытая часть двора переходит в крытую, которая отделяет хозяйственный участок от огорода.

Галич. Рыбная слобода

Под навесом аккуратно сложены дрова, висят рыболовные снасти, пахнет парным молоком и рыбой. Через сквозной проем, словно картина в темной раме, горит яркая зелень и поблескивает на солнце серебряная полоска озера. В высоченном картофеле торчит, как чудовищный гриб, банька — настоящая древнерусская баня с парильней и березовыми вениками. У самой воды выделен специальный участок для огурцов. Он огорожен высоким, выше человеческого роста, плетнем и гордо именуется по-старорусски садом. Огурцы издавна служили важной статьей дохода жителей Рыбной слободы. В дореволюционном Галиче фруктовых садов не было, и сочные огурчики были в хорошей цене.

Стена из жердей, ветвей и небольших деревьев, местами пустивших зеленые побеги, вырастает прямо из воды и тянется с небольшими разрывами вдоль берега, закрывая спрятавшиеся за ней избы. Из плетеной стены высываются мостки, а вокруг них, как стаи невиданных

Галичское озеро

рыб, покачиваются лодки. Пестрая флотилия с романтическими именами и прозаическими номерами тихо покачивается, поджидая своих владельцев. А на озере маячат темные силуэты рыбаков, застывших в томительном ожидании.

С давних времен для промыслового отлова рыбаки объединялись в артели со своими уставами и порядками. В день лова устраивалось своеобразное соревнование артелей, определявшее, какой из них выезжать первой и выбирать лучшее место. С гиканьем и улюлюканьем несли рыбацкие телеги с неводами и шестами к озеру: кто из артельных старост первым опустит в воду шест, тому и начинать ловлю. Рыбы в Галичском озере много — до 40 тысяч пудов вылавливали за год плотвы, колючих ершей, красноперых окуней и лещей. Но особо прославились галичские рыбаки сушеной мелкой рыбой, местное название которой «вандыш». Почти в каждой рыбацкой семье имеется на дворе печка, по типу рус-

ской. В этой печке, разогреваемой жаром березовых дров, коптится рыба. Свежеприготовленная, еще теплая рыбка необычайно вкусна.

Приятно пожить в Рыбной слободе, встать на зорьке и вместе с серьезными, степенными рыбаками выехать на лов.

Красиво Галичское озеро и в пасмурный день, когда сырые, тяжелые сети, как саван, уныло висят длинными рядами, и в ясный день, когда шеренги шестов с прозрачной, серебрящейся паутиной сетей, подобно сказочным витязям во главе с дядькой Черномором, выходят из подводного царства. Но особенно красиво озеро вечером. Заходящее солнце шлет свои прощальные лучи и ласкает деревья, дома, нежный камыш, покрывая их золотистым налетом. Эта картина, наполненная тишиной и спокойствием, почти не изменилась за многие прошедшие лета. Правда, не хватает островерхих колоколен, нарушавших монотонность береговой полосы.

В слободе было пять церквей, составивших три группы, к которым тянулись ограниченные озером и дорогой рыбацкие домики. Первыми от города встречали путников храмы Василия Великого (по преданию местных жителей, покровителя рыбаков). По данным С. Сытина, оба храма были построены во второй половине XVIII века¹¹. И. Беляев датирует церковь Василия Великого 1768—1798 годами¹². Два почти одинаковых по размеру кирпичных кубика сохранившейся церкви прячутся в зелени. Тонкие, немощные репейчатые главки тянутся, как художесные цветы, к солнцу.

Через каких-нибудь сто пятьдесят метров на небольшой площади, замыкая перспективу улиц, возвышалась церковь Параскевы «нарицаемые Пятницы». Эта великомученица почиталась горожанами за помощь в торговых делах. Ее резная статуя, украшавшая храм, — один из интереснейших образцов древнерусской деревянной скульптуры XVII века — находится сейчас в Русском музее. В изображении глубоко народного образа Параскевы удивительно сочетается подлинный артистизм с почти детской непосредственностью. В 1929 году в музее Галича находилось до двадцати оригинальных деревянных фигур значительной художественной ценности («Распятие Христа с предстоящими» из села Палкино; «Христос в темнице» из Фролов и другие) работы народных умельцев. Приходится сожалеть, что в настоящее время в Галичском музее нет специального отдела местной деревянной скульптуры XVII—XVIII веков.

*Галич. Рыбная слобода.
Церковь Василия Великого.
XVIII в.*

Замыкал Рыбную слободу Зачатьевский женский монастырь с каменной Богоотцовской церковью 1799 года. После Пугачевского восстания монастырь стал пристанищем пятидесяти семейств староверов, которых высла-ла сюда Екатерина II. Остатки монастырских строений еще видны на современной площади Калинина.

СТАРИННЫЕ ДОМА. От торговой площади, продолжая намеченное рядами арок и колонн движение, тянутся в обе стороны, параллельно кромке озера, две улицы. Одна — в сторону вокзала, другая — к Балчугу и Рыбной слободе. Нынешняя улица Свободы пререзает земляные валы в месте бывших Архангельских и Успенских ворот, расчлняя территорию кремля пополам, и дальше тянется в направлении старой кинешемской дороги. Несколько зданий выбрались за пределы крепости XV века и заняли место между валами и защищавшей их

Галич. Бывшая книжная лавка Палилова

речкой Кешмой, превратившейся в небольшой ручеек. Гордо выдвинулась на торговую площадь трехэтажная гостиница с номерами купца Громова. В претенциозных залах гостиницы с лепниной и бархатными портьерами в октябрьские дни 1917 года в Галиче была провозглашена Советская власть.

Напротив довольно безликого, сухого здания бывшей гостиницы (ныне сельскохозяйственный техникум) скромно занял угловой участок более выразительный дом, очевидно конца XVIII века. В трехэтажных частях дома только фасадные плоскости выполнены из кирпича. Боковые стены и фронтоны — деревянные, что придает сооружению особый колорит. На втором этаже дома одно время помещался известный в городе трактир. Но не проворные официанты и внушительная вывеска прославили этот дом, а скромная надпись: «Книжная лавка господина Палилова». Он был родственником крупнейшего русского издателя И. Д. Сытина и сделал

*Галич. Один из старейших
каменных домов города*

немало для распространения книжного слова среди обывателей Галича.

Отрезок улицы внутри земляных укреплений XV века застроен наиболее почтенными каменными зданиями. На местах княжеских и боярских дворов выстроились в ряд купеческие палаты и особняки административно-чиновничьего аппарата царской России. Деревянные заборы заменили каменные ограды, по верху истлевшей бревенчатой мостовой легли угловатые булыжники, на перекрестках вместо придорожных крестов появились керосиновые фонари — старая Успенская улица, которая вела к Успенской слободе, была переименована в Соборную. Много могли бы рассказать о жизни дореволюционного Галича дома, стоящие на улице Свободы.

Напротив Преображенского собора, на углу Советской улицы, красуется один из древнейших каменных домов Галича. Он принадлежал купцу Вакорину. Дом с наивным портиксом, выглядящим почти как пародия на

*Галич. Ул. Свободы.
Бывший дом Свиньина*

архитектурную классику, удостоился посещения его императорского величества. В осеннюю распутицу 1824 года Александр I, «обозревая восточные губернии, проездом из Кологрива и Буй изволил осчастливить и г. Галич». Император, отслушав торжественный молебен и откушавши в доме Вакорина, исполнявшего должность городского головы, по прошествии часа отбыл под колокольный звон дальше, по улице, которая из Соборной на этот раз превратилась в Романовскую. Это событие отмечено во всех дореволюционных изданиях о Галиче, но о самом здании, которое пережило и Павла, и Александра, и всех последующих русских самодержцев, ничего не сказано. Скорее всего, дом Вакорина строил местный зодчий, не имевший специальной выучки.

Мануфактурным и перчаточным королям Вакориным принадлежал и соседний дом (№ 21) по улице Свободы. Возможно, это результат деятельности того же самого доморощенного зодчего.

Через дом от вакоринских участков под № 25 прячется в зелени молодых деревьев изящная постройка. Типовая схема двухэтажного барского особняка на семь окон, с четырьмя пилястрами в центре, которую можно встретить почти в каждом провинциальном городке, несет печать незаурядного мастерства. Тонкий рисунок наличников, сочная лепнина капителей говорят о хорошем вкусе как исполнителей, так и заказчиков. Сотрудники Галичского музея считают, что дом принадлежал Свиныну — одному из культурнейших людей Галича.

В его доме часто бывал молодой Писемский, женившийся на дочери Свинына. Очень вероятно, что строки из автобиографического романа «Люди сороковых годов»: «Дом в самом деле оказался отличнейшим; в сенях пол был мозаик; в зале, сделанной под мрамор, висели картины»¹³, — относятся к привлечшему внимание аристократическому особняку. Последним его владельцем был крупный торговец мануфактурой Сотников. Особый облик дома Свинына, его индивидуальность хорошо ощущаются при сравнении и с аналогичным по композиции фасада зданием бывшей земской управы (улица Свободы, № 17).

Другую сторону Романовской улицы как будто специально отвели для просветительных учреждений.

В маловыразительном здании, занятом сейчас 4-й средней школой, в конце XVIII века было открыто первое учебное заведение Галича — Малое народное училище, а в 1803 году было построено Духовное училище. Классические доктрины с требованиями симметрии (выделения центра и закрепления углов), положенные в основу композиции учебно-воспитательного заведения, не лишили его архитектуру национального оттенка. В здании, архитектура которого соединила мудрость мыслителей эпохи Возрождения со свободомыслием русских зодчих времен Просвещения, должны были воспитываться проповедники основ самодержавия. Но далеко не все ученики провинциальной духовной школы стали носителями религиозных идей. Достаточно вспомнить труды по истории академика Ф. И. Успенского, который был воспитанником галичского училища.

За пределами кремля разряжается шеренга старых каменных зданий и сгущаются ряды деревянных домиков, улица становится уютнее, теплее. Взор скользит по своеобразной выставке народного мастерства, бесконечные варианты наличников поражают любовным отношением к делу, стремлением к красоте. Подчас даже трудно

выделить какой-либо дом — эпоха спаяла в единое целое эту обычную улицу.

На фоне этих домов диссонансом звучат стилизованные под Древнюю Русь, нарочито красивые формы дома купца Каликина (ул. Свободы, № 49). Хозяева кожевенных заводов выстроили в предреволюционные годы себе еще один дом по последней столичной моде. Чуждо выглядят наличники с утонченной резьбой, напоминающей рисунки Билибина, крыша палаткой с большим гребнем, как гигантский пряник, и грубое слуховое окно, подобное зеркалу в неуклюжей раме стиля модерн.

Немало интересного можно увидеть и на других улицах Галича. На углу улиц Ленина и К. Цеткин стоит дом, аналогичный дому купцов Каликиных. Снова перед нами вариант понравившегося галичанам образцового проекта. На этот раз его использовал купец Парфенов.

Всмотритесь внимательно в крыльцо соседнего деревянного дома, это тоже бывшее недвижимое имущество Парфеновых. Металлический навес выполнен в виде древнерусской бочки. Его решетка — настоящее произведение кузнечного искусства, как и железный петушок, сидящий на шесте, уподобленный сказочному золотому петушку, оберегавшему царство Гвидона. Галич уже в XVII веке был известен своими мастерами по обработке металла. Галичане Онуфрий Леонтьев и Терентий Онуфриев имели в стольном граде кузницы. На многоголосых ярмарках и рынках приволжских торговых городов славилось галичское железо и его огненные гесты. Великая честь выпала на долю златокузнецов из Галича, которые наряду с прославленными мастерами из других городов были вызваны в 1652 году для изготовления окладов в Москву. И не каких-нибудь окладов, а для иконостаса самого Успенского собора в Московском Кремле.

Много погибло в Галиче художественных произведений Древней Руси. Еще в 1920-х годах, по словам профессора Некрасова, притвор Константино-Еленинской церкви представлял маленький музей икон новгородского письма XV—XVI веков¹⁴. Сейчас в помещении церкви размещается производство, а сам храм, построенный в 1754 году, нуждается в реставрации.

Не торопитесь покинуть Галич, убедившись, что в нем нет шедевров русского искусства! С городом, как и человеком, надо хорошо познакомиться, чтобы узнать его положительные и отрицательные стороны, чтобы понять его индивидуальность, ту неповторимость, которая от-

*Галич. Торговые ряды
и пожарная каланча*

личает города, отмеченные чертами своей эпохи. Вернитесь на базарную площадь, полюбуйтесь шириной торгового форума Галича, оцените циклопическую поступь его арок и колонн, поднимитесь на Поклонную гору, взгляните на озерную ширь, подойдите к пожарной каланче. Немного осталось городов с такими деревянными вышками, которые вызывают ассоциацию с пожарным обозом, лихо скачущим с бочками и ручным коромысловым насосом в сверкающих на солнце металлических касках во главе с брандмайором.

Перед тем как расстаться с Галичем, заберитесь под вечер на кремлевские земляные валы, прогуляйтесь по ним и помечтайте. Постарайтесь увидеть прошлое и оценить настоящее города, понять его своеобразную прелесть.

Не забудьте попрощаться с озером, спуститесь к нему по улице Долматова. Изумрудные берега с вековыми деревьями переходят в шуршащий ковер камыша.

В зелено-голубоватую гамму красок вкрапливаются цветные пятнышки лодок. Напоенную особым ароматом тишину нарушают только всплески воды, нежно ласкающей суденышки. Если у вас выберется время, переправьтесь на противоположную сторону озера и осмотрите дом отдыха. Шестьсот лет тому назад на этом месте Авраамий Галицкий заложил обитель, как пишется, «в честь явленной ему на дереве иконы Божьей матери — «Умиление». Скромная обитель местного миссионера с течением времени превратилась в богатый Ново-Заозерский монастырь с каменными постройками. При правлении Екатерины II, в 1764 году, монастырь был упразднен, а его здания подверглись переделкам.

2. Чухлома

ГОДЫ ДАВНИЕ. Пятьдесят с небольшим километров отделяют Чухлому от Галича. Расстояние для современных скоростей незначительное. Можно из Галича до Чухломы добраться местным самолетом за пятнадцать минут, но для того чтобы почувствовать суровую красоту лесного края, надо проделать этот путь на автобусе, а местами — пешком. Нехоженые леса и топкие болота, через которые пролегал старинный Архангелогородский тракт, окружают дорогу. Временами она вырывается из зеленых объятий и бежит по скудным полоскам расчищенной земли. Труднопроизносимые названия: Едомша, Возега, Мерега — напоминают, что в далекие времена здесь жила языческая «чудь». Рано, на самой заре Киевского государства, проникают в богатые пушшиной леса предприимчивые новгородцы. Смелые вояки и дальновидные торговцы, они пробирались на своих ушкуях по рекам и озерам к чудским городищам и вместе с товарами заносили семена христианской религии. В X веке от новгородских гостей познал догматы православной веры и уроженец Чухломы, «богату родителю сын» Иверик, принявший при крещении имя Авраамия. Позднее бывший язычник основал знаменитый Богоявленский монастырь в Ростове и за праведную жизнь был причислен к лику святых. Можно было бы не упоминать об этом поборнике веры, но в его жизнеописании — «Житии Авраамия Ростовского» — имеется немало фактических данных, которые, если откинуть религиозную шелуху, проливают свет на далекое

прошлое Чухломской земли. Помогает раздвинуть завесу времени и «Летописец Воскресенского монастыря».

Со страниц рукописи проглядывают реальные события: отдельные фразы позволяют представить, как Галичский князь в 1335 году, проехав «великий лес», увидел «Чюдское» (Чухломское) озеро и около него утлые постройки поселения чуди. В XIV веке на берегу Чухломского озера жили уже и русские люди. Тот же Галичский князь встретил там Гаврила Давыдова «из Тве-ри града», который поселился здесь с семьей.

Чудское городище Чухлома находилось на западном берегу озера, в том месте, где позднее был построен Авраамиев Городецкий монастырь. Когда возникло поселение на территории современного города, точно неизвестно, но в XIV веке оно уже, несомненно, существовало. Именно в этот глухой северный городок был сослан в 1381 году московский митрополит Пимен, получивший по подложной грамоте посвящение константинопольского патриарха на Московскую митрополию.

Чухломские земли, входившие в вотчину Галичского князя, были куплены Иваном Даниловичем Калитой в годы его княжения (1328—1340). Все тяготы последовавшей позднее междоусобной войны московских и галичских князей ложилась на плечи жителей Чухломы. По лесным тропам и дорогам, проваливаясь в снег и утопая в грязи, брели отряды русских мужиков для битвы с такими же русскими мужиками. Пробривалась через замшелые чащобы и татарская конница, неся горе и разорение. Более восьмисот «пустошей» насчитывалось в Чухломском крае.

При подъезде к Чухломе, как и к Галичу, леса редют, на пологих увалах примостились небольшие деревушки, кое-где заметны остатки усадеб. Первые помещики появились на чухломских окраинах в первой четверти XVII века. Родоначальник дома Романовых не скупился на худородные, тяжелые земли за Волгой и щедро раздавал дворы своим холопам вокруг Чухломы и Галича за военную доблесть.

За верную государеву службу получили в 1619 году поместье и Лерманты. «За поручиком, за Юрием Лермантом», прадедом поэта, числилось поместье, «что была деревня Кузнецово». В усадьбе бедной дворянской семьи — «Раменье» — в 1820 году родился Алексей Феофилактович Писемский. Почти половину жизни прожил под чухломским небом, в имении «Колотилово», критик и поэт пушкинского времени П. А. Катенин, которому

Грибоедов вручил на суд свою обличительную комедию «Горе от ума». Усадьба «Колотилово» находилась в трех с половиной верстах от «Раменье», и их владельцы часто просили «заложить лошадей» для посещения своих соседей. Образ П. А. Катенина, несомненно оказавшего влияние на А. Ф. Писемского, запечатлен им под именем А. И. Коптина в романе «Люди сороковых годов».

Районы древнего Галичского княжества слабо изучены, чему немало способствовало мнение о них, как о страшном захолустье. Чухлома даже стала в дореволюционной литературе синонимом серости и беспросветного провинциализма. Конечно, бедным чухломским поместьям было далеко до роскошных подмосковных усадеб, но и в заволжских «дворянских гнездах» хранились значительные культурные и художественные ценности, о чем свидетельствуют экспонаты краеведческих музеев. А сколько было разбросано по затерявшимся в лесах поселкам и деревням сокровищ народного искусства, самотытных творений русских умельцев!

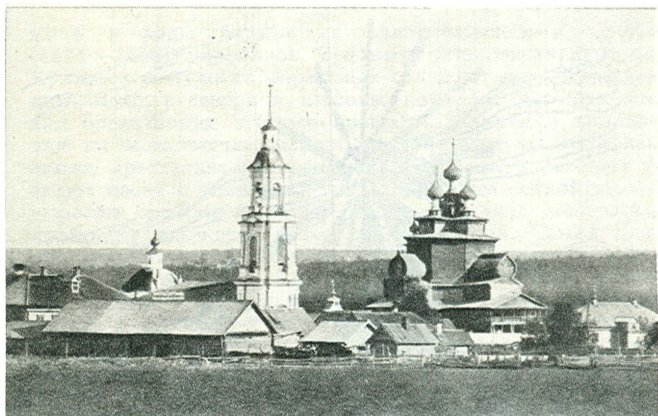
Судя по отрывочным данным, село Бушнево славилось архитектурой своих необычных храмов. Вошел в историю и его владелец — Платон Мусин-Пушкин, принявший участие в патриотическом заговоре А. П. Волынского против ненавистного Бирона и онемечившейся русской государыни. Мелькают среди казенных бумаг и статистических сведений известные фамилии, упоминаются вскользь архитектурные сооружения и помещичьи усадьбы. В селе Лаврентьевском — вотчине Григория Майкова — по его челобитью 1652 года была построена холодная церковь Рождества Богородицы; в 1797 году старанием Сергея Михайловича Лермонтова была воздвигнута каменная Николаевская церковь в селе Познисье, без числа сооружались предивные храмы тщанием прихожан. Кое-какие памятники сохранились и по сей день. В разбросанных среди чащоб и ополий деревнях можно подчас обнаружить драгоценные произведения народного зодчества.

В деревне Стрельниково, Костромской области, еще в 1965 году стояла изба И. А. Скобелкина, построенная, как считают, в середине XVII века, — это своеобразный музейный экспонат из истории народного жилища. Огромная русская печь занимает чуть ли не пол-избы, срубленной из гигантских сосновых бревен полуметровой ширины. Старожилы уверяют, что это детище северных древоделов стояло на пнях, как сказочные избы на куриных ножках. К печи примыкает голбец с врезанным шкафом

чиком для нехитрой крестьянской посуды. Вдоль стен с особым запахом старого дерева протянулись широкие с протертыми углублениями лавки, обшитые резными опущками. В красном углу — божница и стол. Тяжелые, тесанные топором половицы ведут в сени. Сени значительно больше горницы. Они выполняли не только хозяйственные функции, но по древней традиции служили местом для приема гостей, где можно было «дружка за ручку важивати», как поется в старинных песнях. Об этом свидетельствуют примкнувшие к стенам длинные скамьи, большой стол, неизбежная божница и два покосившихся от времени, щедро украшенных резьбой шкафа для посуды. Но самой любопытной деталью является врезанная в сруб резная кровать. Это широкое ложе живо воскрешает свадебные обряды, сочетавшие поэтическое начало с суровой жизненной правдой; полные тоски песни девушек, провожавших свою подружку замуж, и добрые застольные припевы с пожеланием счастья молодым. Первую брачную ночь молодожены должны были провести в комнате, на потолке которой не было земляной засыпки (для утепления перекрытия), тогда их жизнь должна была быть долгой и счастливой. Обычно таким помещением были сени.

Подобно застывшим звукам сказочной симфонии, стояли в деревнях и селах окруженные двумя-тремя десятками дворов поседевшие от времени и холодных дождей храмы, вздымая гроздь куполов к безбрежной синеве неба. Сейчас о них можно составить представление лишь по старым выцветшим фотографиям и случайным рисункам. Фактически пропал для истории архитектуры редкий памятник деревянных клетских храмов — церковь Михаила Архангела в селе Муромцево (1681) бывшего Галичского уезда. Ее простые архитектурные формы сохраняли древние традиции культовых построек Севера, а удивительно гармоничная шатровая звонница, возможно, пролила бы свет на истоки каменных колоколен на острове Кубенского озера и Паисиева монастыря в Галиче.

В 1946 году экспедицией Академии архитектуры СССР была обмерена уникальная церковь собора Божьей матери в селе Холм, Галичского района, которая рядом советских ученых датируется 1552 годом¹⁵. Восьмерик основного объема храма перекрыт «ступенчатым деревянным сводом» очень древнего типа. Народное предание называет и строителей храма — легендарных плотников — братьев Карпа и Попилу. Этот крайне важный

*Село Николо-Березовец.
Никольская церковь.
XVIII в.*

для истории архитектуры памятник перевезен в музей на открытом воздухе близ Ипатьевского монастыря в Костроме.

Огромной деревянной пирамидой высотой около 40 м читается издали Никольская церковь (XVIII в.) в селе Николо-Березовец на реке Ноле, в тридцати пяти километрах к северо-западу от Галича. Несмотря на общую типологическую основу Никольской церкви с Богородицким храмом в селе Холм, неистощимая фантазия северных умельцев сумела придать ей индивидуальную окраску, усиленную особенностью расположения. Мощный восьмерик, шириной около 15 м, окружили приделы, крытые бочками. Грузность центрального ядра смягчила лента гульбища на деревянных консолях, охватившая Никольскую церковь на реке Ноле с западной стороны.

Почти исчезли и редкие постройки хозяйственного назначения, запечатлевшие жизнь народа, смекалку и нужду русского мужика. Еще в 1931 году в деревне

*Деревня Куекшино.
Ветряные мельницы.
Рисунок автора
с фотографии 1931 г.*

Куекшино возвышались, словно готовясь взлететь, многокрылые «ветряки». Деревянные ветряные двигатели — эти памятники человеческому разуму, технической мысли народа — дополнялись рядами хлебных амбаров. Приходится сожалеть, что редкие детали крестьянского быта не стали экспонатами музеев.

«КРУГОМ ГОРОДА РВЫ КОПАНЫ И ВАЛЫ НАСЫПАНЫ, А НА ВАЛАХ СТЕНЫ С БАШНЯМИ НАУГОЛЬНЫМИ». От древней Чухломы до нашего времени тоже почти ничего не сохранилось. Только осевшие под тяжестью веков некогда грозные валы, опоясавшие возвышенность на берегу бывшего Чудского озера, напоминают о том, что небольшому уютному городку более шестисот лет. В тяжелые годы княжеских междоусобиц и стремительных татарских набегов сооружается крепость Чухломы. Коварный и властолюбивый князь Дмитрий Ше-

мяка в годы борьбы за великокняжеский престол (1434—1453) укрепляет Чухлому. Спешно тяглый люд Чухломы и мужики окрестных сел роют ров, ограждающий город с севера и востока, наиболее удобных мест для организации штурма крепости. Кряхтя и поплеывая на мозолистые ладони, выкидывают из котлована землю крестьяне; на носилках, в мешках и рогожах таскают песок и глину для насыпи. Двухсаженной высоты выросли земляные валы, плотно оградив наибольшую площадку немногим более двух гектаров. Самая длинная сторона вала, обращенная к озеру, имела 213 м, а самая короткая, в 113 м, выходила на север, к посадку. Только в двух местах прорезали толщу земли для въезда в крепость. Ворота связывали город с посадом и торжищем. На плотно утрамбованной площадке земляного основания поставили из дерева крепкие стены, а углы закрепили рублеными башнями. Словно оцетинился зеленый холм на берегу озера, сквозь настороженно прищуренные прорезы в стенах зорко следили защитники Чухломы за дорогами, сбегавшимися к городку.

Крепостные стены и башни Чухломы, завершавшие возвышенность, видимо, выглядели достаточно внушительно и были надежным оплотом для окрестного населения. Нам — людям атомного века — трудно понять психологию человека XV века, незнакомого даже с паровым двигателем, сопоставить масштабы наших сотысячных населенных пунктов с городами, где жило 200—500 душ, оценить эстетическое впечатление от вздыбившихся на земляной круче островерхих частоколов и коренастых, выдвинувшихся навстречу врагу башен. Ввести коэффициент на историческую разницу восприятия очень трудно, но этому помогают старинные изображения, которые раскрывают мир, увиденный художником несколько столетий назад, — мир, преломленный через призму времени.

Безвестный изограф на одной из древних икон чухломского Авраамиева монастыря изобразил град Чухлому, который казался ему, по сравнению с убогими деревушками, величественным и красивым, с высокими зданиями и мощными укреплениями. Сквозь специфику мировосприятия и иконографические традиции проступают в наивном рисунке реальные черты, позволяющие дополнить образ древнерусского города Чухломы. Приземистые башни, одной высоты со стенами, заняли места по углам крепости; между башнями, под их охраной, расположились ворота. Внутри цитадели художник на-

рисовал три разных башнеобразных объема. Левый, очевидно, изображает храм, который находился в том же месте, где стоит сейчас переделанный до неузнаваемости Преображенский собор; средний ярусный объем, скорее всего, представляет дозорную вышку, столь необходимую при низких башнях, а правый, надо полагать, в образной форме запечатлел одну из повалуш — высоких, многоэтажных клетей, входивших в состав княжеских и боярских хором.

Достоверность отдельных деталей рисунка подтверждается переписными книгами XVII века и археологическими данными. Во время раскопок Л. Казаринова в 1922 году под слоем грунта было обнаружено основание юго-западной башни. Квадратная в плане башня была срублена из трех саженных бревен (около 6,5 м). Для большей устойчивости башни со стороны озера был вбит ряд свай. Три венца обгоревших бревен и остатки пола — все, что сохранилось от чухломской твердыни, простоявшей до XVIII века.

Беспокойно протекала жизнь чухломичей в XVI веке. Закончившаяся междоусобная война и включение Галицкого княжества в состав Московского государства не принесли долгожданного покоя. Более десяти раз в течение столетия, как ураган, проносилась татарская конница, сея по дороге смерть и горе. Не миновали чухломские земли и польско-литовские интервенты. В 1609 году сильный отряд Лисовского напал на Чухлому, но взять крепость не смог. Снова запылали окрестные деревни, заголосили бабы, покидая родные места, потянулись пыльной лентой стада, угоняемые захватчиками. Оскудел Заволжский край, опустели села, заросли бурьяном пашни, разбрелись по белу свету мужики, лишь прибавилось крестов на погостах. В самой Чухломе, по данным дозорной книги 1615 года, значилось тридцать дворов с тридцатью душами мужского пола.

Только к середине века немного оправился от бедствий город. Заискрились золотом новосрубленные избы, количество дворов достигло семидесяти, оживился торг и увеличилась на озере флотилия рыбацких лодок.

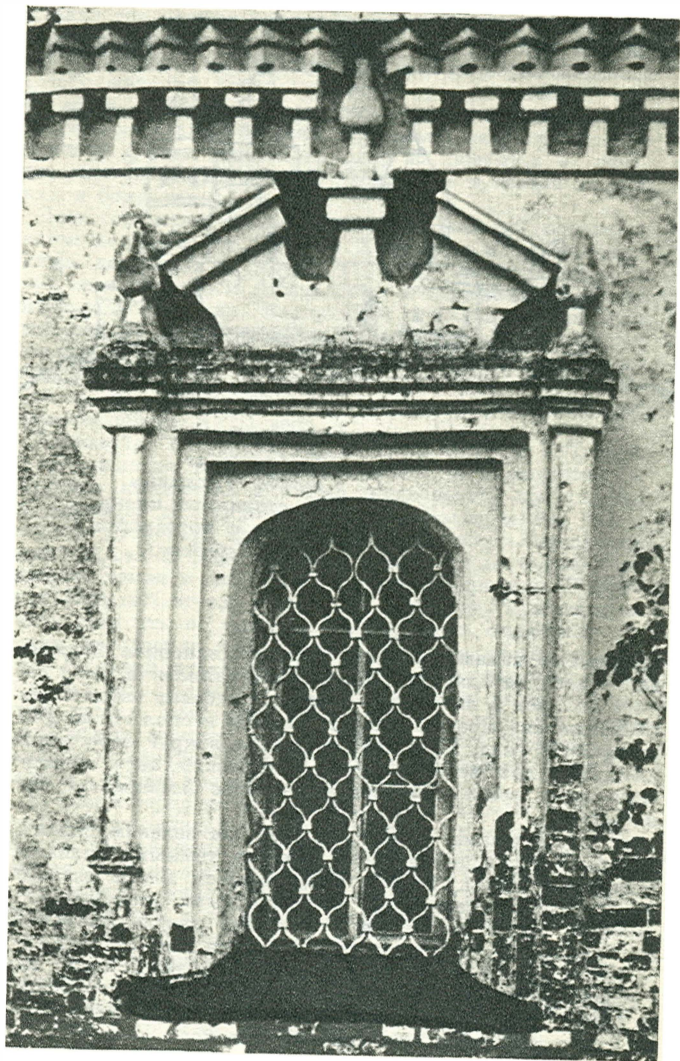
Переписные книги первой половины XVII века строго фиксируют чин и добыток царских холопей, чтоб не было убытку российской казне и порухи в государевой службе. Выцветшие записи приказного дьяка, сделанные наспех более трех столетий тому назад, позволяют заглянуть в далекое прошлое Чухломы: на территории кремля стоял двор бояр Майковых, а рядом возвышались

*Изображение
«града Чухломы»
на старинной иконе
(копия с фотографии
Г. И. Лебедева)*

прикрытые валами хоромы Бориса Ивановича Морозова — воспитателя царя Алексея Михайловича, того самого лиходея и лихоимца, которого требовал выдать для расправы разъяренный народ Москвы в сплошные дни июня 1648 года. Недалеко от собора вокруг небольшой площади, как верные слуги, образовали каре воеводский двор, приказная изба и подворье Авраамиева монастыря.

А за пределами крепостных стен на зеленом склоне, как бы сползающем в озеро, маячили темными пятнами посадские дворы. Худые, покосившиеся клетки тяглого люда стояли вперемешку с добротными избами «со связью». Были на посаде и боярские дворы. За высоким забором стояла хоромина Григория Ивановича Майкова. В крепости же он содержал «осадный двор» на случай вражеского нападения. Обосновались на посаде и бояре Катенины. Прижавшись к косогору, стоял боярский двор Семена Образцова-Невельского.

Среди серой однообразной посадской застройки выделялись и другие боярские владения: Аталыкова, Беловой, Шипова.

Крепость Чухломы просуществовала до 1727 года, когда «великий пожар» в своем неистовом буйстве уничтожил все постройки. Во всепожирающем пламени погибли боевые башни и стены града Чухломы, в огненном фейерверке исчезли казенные и частные дома. Только пепел и тлеющие головешки остались от городского кремля.

На месте древнего деревянного храма «усердием и на средства» прихожан, в том числе особенно чухломича Нелюбова, начали возводить в годы прихода к власти Елизаветы Петровны каменный Преображенский собор. Любопытный памятник провинциального зодчества середины XVIII века находится в плохом состоянии. Судя по деталям и музейным фотографиям, здание сочетало новые принципы структуры культовых зданий с ти-

*Чухлома. Наличник
Преображенского
собора. 1746 г.*

пичным древнерусским декором. Уцелевшие наличники нижнего яруса свободно могут быть датированы концом XVII века.

Здания, строившиеся в первой половине XVIII века в провинциальных городах, представляют значительный интерес для истории архитектуры, так как позволяют лучше разобраться в процессе становления русской классической архитектуры и уяснить ее своеобразие, связанное с использованием народных традиций.

Шли годы, буйные травы покрыли некогда грозные валы и пустыри. С 1834 года городская управа начала сдавать в аренду под капустные огороды пустовавшие внутри крепости земли. Более полувека на месте древних улиц и боярских дворов произрастала капуста и картофель. А в 1890 году начали засыпать рвы и разбили на территории кремля городской сад.

Новой жизнью зажил кремль Чухломы, оберегая теперь здоровье людей. Приятно побродить по тенистым

аллеям между гигантских деревьев, взобраться на бровку вала и полюбоваться ширью озера, окаймленного синей полоской дальнего берега, и словно сошедшим с иконы изысканным силуэтом Авраамиева монастыря.

АВРААМИЕВ МОНАСТЫРЬ, ЧТО НА СТАРОМ ГОРОДИЩЕ. Авраамиев Городецкий монастырь самый интересный памятник, связанный с Чухломой. Его основание относится к началу истории города Чухломы. Трудно даже сегодня ответить: город возник раньше или монастырь? В беспокойные годы княжеских распрей начинается продвижение Москвы на север. Верный оплот московских князей, Троице-Сергиев монастырь посылает ревнителей веры в суровые языческие земли, с помощью креста и евангелия закрепляя новые богатые территории. Одиноким иноком Троице-Сергиевой обители Авраамий с посохом и дорожной сумой брел не спеша

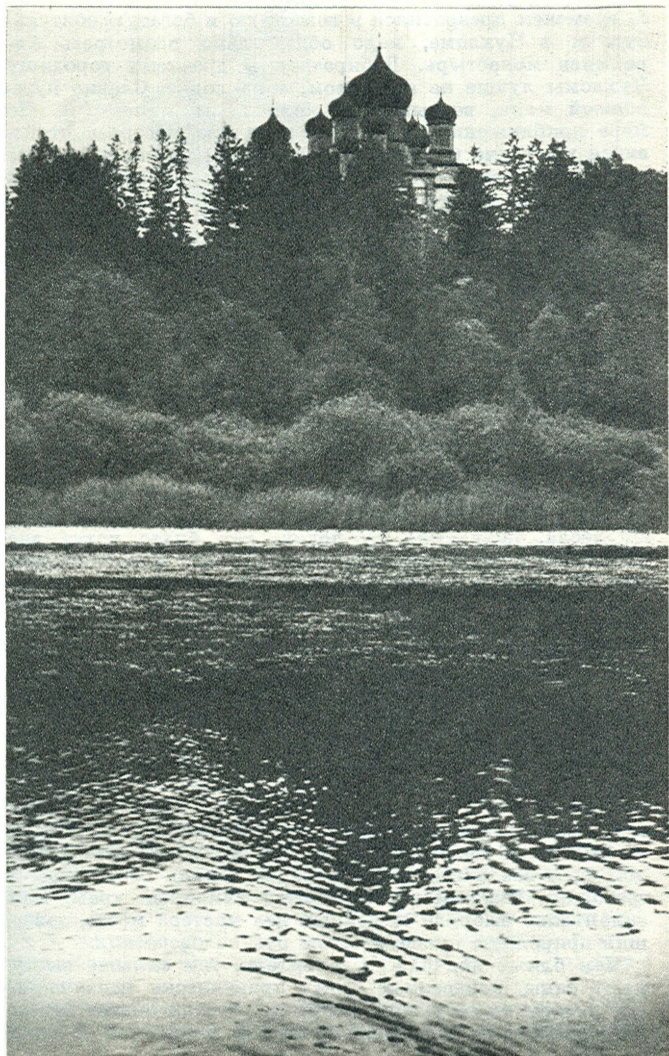
*Вид Авраамиева
монастыря
с Чухломского озера*

по пыльным дорогам в полуночные края. Поля сменялись лесами, недели — месяцами.

И вот однажды остановился он в безлюдном крае, пораженный его богатством и красотой. Приглянулось Авраамию место, и обосновался он среди лесов с редкими поселениями обрусевшей чуди. Фанатизм Авраамия привлек к его пустыни в районе нынешнего села Озерки и других сподвижников. Но не смог усидеть на одном месте монах, одержимый идеей обращения язычников в «веру Христову». Оставил он великую пустынь и перебрался на новое место, возле которого позднее раскинулось село Коровье. Недолго пробыл Авраамий и здесь. Снова его миссионерский дух заставил двинуться в путь. На этот раз он осел в забытом чудском «урочище Чухлома на городище», где и скончался в 1375 году.

Небольшой Покровский Городецкий монастырь, основанный Авраамием на останках городища, где в XI веке жил его тезка и «брат во Христе» Авраамий Ростовский,

со временем превратился в известную и богатую обитель. Будучи в Чухломе, надо обязательно посмотреть Авраамиев монастырь. Добираться к древнему городищу Чухломы лучше не автобусом, а на лодке. Словно путеводный маяк, возвышается колокольня монастыря. По мере приближения абрис монастырских построек становится все четче и четче, зеленый холм растет и растет; прорисовываются острые контуры елей и рыжие полосы обрывистого берега. Проплывают мимо островки оточенных, как шпаги, камышей, пролетают тяжело взмахивая крыльями дикие утки, проносятся маленькие, словно игрушечные, стремительные чайки. Еще несколько десятков ритмичных взмахов весел и из-за темного бугра, увенчанного главами Авраамиева монастыря, как необыкновенный корабль, выдвигается ажурный силуэт Покровской церкви села Ножкино. Она расположена ниже монастыря и дальше. Ее уменьшенные расстоянием размеры придают постройкам Авраамиевой обители какую-то особую величественность и монументальность. Водяная гладь озера как бы стремится усилить это впечатление.

Возле берега лодка попадает в сказочное королевство лилий и кувшинок. Эластичные, упругие стебли обвивают весла, цепляются за лодку, как будто хотят вас удержать и заставить еще полюбоваться плавучим ковром из цветов и листьев, прошитых тонкими нитями осоки. Лодка, пробравшись наконец сквозь зеленые сети, мягко врзается в берег. Нога утопает во влажной, пружинящей, словно дышащей почве. Высокая сочная трава, изгибаясь в поклоне, расступается, обдавая острым терпким запахом земли и пряным ароматом цветов. Тишина... вековые ели несут бессменный караул у забытых полуразвалившихся монастырских стен. Тропинка, петляя среди лиловых стволов сосен, бежит вверх. Много людей, молодых и старых, сильных и немощных, подымались по ней. Какие трогательные молитвы и страстные проклятия слышали монастырские церкви. Сколько сил было положено на их постройку, с каким трудом был воздвигнут за тридевять земель от Москвы в тревожное Смутное время первый каменный храм. Как талантливо выбрали каменных дел мастера место, завершив природную красоту делом рук человеческих.

Чем ближе подходишь к обители, тем сильнее выступают раны, нанесенные этому практически неизученному памятнику северного зодчества. Густая листва бережно укрывает от посторонних взоров небольшой Покров-

*Авраамиев монастырь.
Покровский храм.
1608—1631 гг.*

ский храм. За зеленой стеной скромно приподымает свои узорчатые главы одна из древнейших каменных церквей Чухломского района.

В Солигаличской летописи, составленной в XVII веке, сообщается, что в 1608 году в Городецком монастыре «по вере и обещанию... царя Василия Иоанновича» начата строением каменная церковь Покрова Богородицы. Смерть царственного покровителя, годы междуцарствия и лихолетия задержали возведение каменного храма. Освящение Покровской церкви состоялось только в 1632 году. О завершении в эти годы первого каменного строительства — обители Авраамия — свидетельствует и камень в южной стене храма. Резная надпись сообщает, что в сентябре 1632 года погребена в монастыре сестра царя Михаила Федоровича — княжна Е. В. Долгорукая¹⁰.

Много претерпел этот редкий памятник начала XVII века на своем веку. Особенно значительным переделкам

*Авраамиев монастырь.
Ильинский храм.
1857—1867 гг.*

подвергся Покровский храм в связи с началом в 1857 году строительства нового Ильинского собора. Огромная масса собора, примкнувшего к северной стене древнего памятника, вызвала разрушение придела Ильи, а также древней колоколенки и буквально задавила изящную постройку XVII века. Безвкусные формы собора в духе тоновских построек, получивших «высочайшее утверждение», наглядно демонстрируют разницу между живым, одухотворенным искусством древнерусских зодчих и омертвевшим, казенным мастерством архитекторов академического толка. Словно ошестствленная иллюстрация из учебника по истории архитектуры, стоят в чухломской глухомани два забытых храма. Насколько поэтичнее произведение артели каменщиков, возводивших в годы «великого московского разорения» монастырскую церковь по типу обычного приходского храма. С какой любовью выкладывали они бесхитростный узор из поставленных на ребро кирпичей, отвечая на-

растающим стремлениям к праздничной нарядности, изукрашенности культовых построек, внося новые светские мотивы в сдержанные, возвышенные формы храма. Надо хорошо присмотреться, чтобы оценить, как художественно тонко развивается тема арочного фриза, начатая на полукружиях апсид и получившая завершение в декоре барабанов; столь же явственно проходит композиционный прием, сочетающий крупный шаг кронштейнов с дробным ритмом поребрика. Он мажорно звучит в завершении стен храма и как бы затухает вверху под луковицами главок.

Мирское начало, проникающее в искусство XVII века с общечеловеческим стремлением украсить дело своих рук, получило образное отражение в Покровском храме. Небольшие размеры сооружения, живописность комплекса, масштабность и характер деталей ассоциируются с жилыми постройками и языком архитектуры, говорят о сложной идеологической борьбе религиозного и светского мировоззрения.

С душевной болью входишь в пролом стены под готовый обрушиться свод Покровской церкви. Здание строили опытные мастера, знакомые как со столичными памятниками, так и с художественными школами Поволжья. Мастера, возводившие первую церковь Авраамиева монастыря, не довольствуются простой схемой бесстолпного храма, получившего распространение еще в XVI веке. Пространство храма они дополняют значительным объемом трапезной. К канонически строгому прямоугольнику плана смело пристраивают асимметричный придел с крыльцом и завершают весь комплекс небольшой звонницей. Несмотря на это, зодчие строго соблюдают религиозную символику — на тонкую скорлупу свода они ставят один барабан с окнами и четыре глухих, чтобы создать освященное веками пятиглавие.

Более решительно поступают безвестные строители церкви Рождества Христова, которые увенчивают композицию храма тремя кирпичными шатрами, как бы свидетельствуя о церковных разногласиях и расколе. Точная дата возведения этого интересного сооружения неизвестна. В описании монастыря 1701 года о ней говорится уже, как о каменной церкви «о трех шатровых главах». Писцовые книги 1627—1635 годов свидетельствуют, что в первой трети XVII века Христорожественский храм был еще деревянным: «...а в монастыре церковь каменная Покров пречистые богородицы, да в приделе Илья Пророк, да церковь Рождества Христова

*Фрагмент изображения
Авраамиева монастыря
с литографии XIX в.
Справа церковь Рождества
Христово. XVII в.*

древяна, да на монастыре же келья игуменская, келья келарская, келья казенная, пять келий братских, келья хлебная, келья гостиная, да под монастырем; двор конюшенный, двор коровий». Скорее всего, церковь Рождества Христова построена во второй половине XVII века.

Трудно сейчас оценить по суховатому изображению Авраамиева монастыря в XIX веке все значение утраты этого уникального памятника, разобранного до основания. Возможно, он был также «зело предивен» и красив, как Успенская церковь Алексеевского монастыря в Угличе, получившая в народе название «Дивной». Судя по рисунку, Христорожественский храм очень напоминал монастырскую церковь Иоанна Предтечи в Казани. Этот известный сейчас только по фотографии И. Ф. Борщевского редкий памятник был сооружен в 1649 году и мог послужить образцом для братии Авраамиевой обители. Из этой интересной группы трехшатровых храмов, построенных в монастырях Углича, Каза-

ни и Чухломы в годы идейных брожений, уцелел только один. Может быть, в связи с этим так и останется незаполненной страница в истории отечественного зодчества, посвященная этим оригинальным произведениям XVII века, которые дали бы возможность более детально проследить сложный процесс взаимовлияний деревянного и каменного зодчества.

Среди высокой травы и кустарника, в западной части монастыря, видны развалины древнего Николаевского надвратного храма. Время его возведения устанавливается достаточно точно по дарственным надписям на двух евангелиях. Вкладчик Тарх Никифоров пишет: «159 (1650) года сентября в 20 день положил сию книгу... на престол Николе Чудотворцу в новую церковь, что на святых воротах, в каменную церковь при келаре старце Авраамии Пименове». Судя по музейным фотографиям Николаевского храма, он тоже представлял историко-художественный интерес как пример раннего устройства ярусного основания под церковную главу.

Некоторое представление о виде Авраамиева монастыря до его перестройки в XIX веке дает план, выполненный землемером Костромской губернии коллежским асессором Григорием Поповым (?)¹⁷. План выполнен с «показанием существующего ныне в оном монастыре, всего каменного и деревянного строения», а целью составления чертежа было «назначение вновь места для постройки... каменного корпуса для жития». Этот корпус казарменного типа был выстроен в 1840-х годах. Его безликая громада уныло стоит по сей день среди одичавшей и еще более прекрасной в своей первобытности природы.

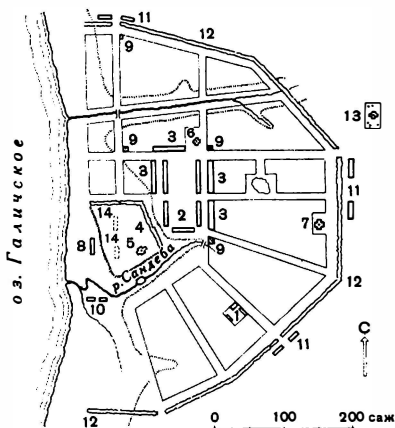
Молчат поседевшие ели, и только тонкие линии чертежа, проведенные свыше ста лет назад, воскрешают забытый облик старинного монастыря.

Тихо бредет странник, потерявший веру в людей, на призывные певучие звуки колоколов. Со скрипом, словно нехотя, открывается небольшая калитка святых ворот, и, сжав в руках шапку и привычно крестясь, боком протискивается «калика переходящая», обиженная жизнью. Пустынно на площади перед храмами, только согбенные черные тени иноков иногда скользят вдоль церковных стен. Красив вид от парадных ворот на живописную группу монастырских храмов. Низкие крылечки со стертими ступенями выброшены вперед, приглашая зайти в «божий дом». Постепенно нарастая, развиваются объемы трапезных, приделов и самих церквей, распускаясь

наверху в причудливые созвездия куполов на приземистых барабанах и вскинутых ввысь острых шатрах.

Замыкая площадь с северной стороны, вытянулись в ряд два ветхих деревянных корпуса «монашествующей братии», а во главе их, дальше от мирской суеты, встал огромный сруб настоятеля монастыря. За ним, как бы отделяя хозяйственный двор от жилой половины, располагилась еще одна группа братских келий. К северной стене, рядом с настоятельскими хоромами, прижалась банька. В самом отдаленном углу был сооружен из кирпича добротный скотный двор, а по соседству с ним построили специально сарай для экипажей; дальше, ближе к кельям, были устроены погреба и хлебные амбары. Невольно после перечисления монастырского добра возникают картины идейной борьбы «нестяжателей», требовавших отречения церкви от всех земельных богатств. Над притишшими зарослями неуклюже вздымаются грубые, фальшивые массы Ильинского храма и колокольни XIX века. Тяжело подымает пропорционально плохо увязанные ярусы громадная колокольня. Как монумент победе «стяжателей» гордо возвышается ее глава над поверженными идейными противниками и полуразрушенными произведениями XVII века. Ни одной души! Слово заколдованное «царство-государство», вырисовываются контуры построек среди густой зелени. Сквозь проломы стен, которые окружили монастырь в 1764—1768 годах, видно белесоватое блюдечко озера, а вдали маячит силуэт Чухломы — города, который сумел побороть невзгоды, преодолеть косность и невежество.

ЗАШТАТНЫЙ ГОРОД ЧУХЛОМА. Современная планировка города, а во многом и его облик обязаны XVIII столетию. В 1780 году составляется вместе с другими провинциальными городами Российской империи регулярный план Чухломы. Один из «архитектурии гезелей», работавший в Комиссии строительства столичных городов, расчерчивает на белоснежном ватмане правильный рисунок будущих улиц. На месте старого торжища у стен кремля с помощью рейшины и треугольника наносится прямоугольник площади. Это новый центр купеческого города. Площадь с торговыми рядами делается большой. Ее территория равна участку всего города Чухломы XV века. На целых триста метров протянулась она вдоль озера. По сторонам площади были предусмотрены места для постройки «вновь каменных обыва-

Схемы плана г. Чухломы в конце XVIII — начале XIX в. По копии Макарьевского уездного землемера Иванова плана 1780 г.

1 — Присутственные места;
2 — Торговая площадь; 3 —

места для обывательских домов». Углы площади вдоль Успенской улицы, очевидно для большей импозантности, закреплялись «питейными домами». Всего в городе, имевшем в 1816 году 115 дворов и 569 человек населения, было намечено четыре питейных заведения, три церкви, одна пивоварня и ни одного учебного заведения.

От площади веером расходятся прямые отрезки улиц, упирающиеся в полукруг земляного вала, который ограничивает городок. Функции этой насыпи не сторожевые, а хозяйственно-экономические. Только в четырех местах улицы прорезали насыпь и вырывались на убегающие вдаль тракты. Названия улиц были связаны с этими наезженными многими поколениями дорогами. Они в свое время сбегались к воротам Чухломской крепости. На север протянулась Преображенская улица (Луначарского), выводившая на солигаличскую дорогу; на восток — Кологривская (Свободы), переходившая в дорогу в город Кологрив; на юго-восток — Галичская (Ок-

«Места для обывательских домов»; 4 — Крепость; 5 — Преображенский собор; 6 — Успенская церковь; 7 — Церковь Сошествия св. Духа; 8 — «Соляные и винные магазейны»; 9 — «Питейные дома»; 10 — «Бойни и пивоварня»; 11 — Кузницы; 12 — Земляной вал; 13 — Кладбище; 14 — Присутственные места ныне уничтоженные

тября), которая вела в град Галич; и наконец, на юг — Бувевская улица, превращавшаяся за пределами городской черты в тракт на город Буй. Все эти четыре улицы заканчивались рогатками и заставами. Возле этих символов порядка стояла полосатая караульная будка с дремлющим солдатом, который время от времени, поставив старое ружьишко в угол, подымал пунктирную перекладину и взимал от полушки до двух копеек за въезд в город.

Улицы, как люди, имеют свой характер, обладают определенным запоминающимся лицом. Большинство улиц Чухломы вам кажутся знакомыми с детства, от них веет каким-то особым радушием и приветливостью. Что-то необычайно родное, близкое в цепочке деревянных домиков, связанных лентой заборов, в упругой дощатой дорожке тротуара, бегущей вдоль улицы, в синеве далеких лесных далей.

Всю дореволюционную Чухлому, в пределах таможенного вала, можно обойти за полтора-два часа. Короткие улочки, подобно ручейкам, вливаются в огромное пространство торговой площади. На первый взгляд они кажутся похожими одна на другую. Большие раскидистые липы и кудрявые березы объединяют разноликую обывательскую застройку Чухломы. Геометрически правильные линии тротуаров и оград вносят порядок и придают единство городку. До 1837 года Чухлома не имела гражданских каменных зданий. Деревянные постройки всех рангов и видов полукольцом окружали старую крепость и площадь. Рубленые избы чередовались с домами, обшитыми по-хозяйски досками, простые тесовые кровли сменялись затейливыми покрытиями из серебрящегося лемеха, покосившиеся скромные калитки соседствовали с чванливыми резными воротами. Дерево... сплошное дерево — только что срубленное, плачущее янтарными слезами смолы и поседевшее от времени и непогоды; бревна в два обхвата и тонкие жерди, узорные охлупни и безликие тесины сухого леса и звонкого. Одна незамеченная искра — и страшный огненный шквал, раздуваемый ветром, обрушивался на город. В XVIII столетии в Чухломе не было пожарной команды, на воротах и заборах были нарисованы несложные орудия, с которыми был обязан хозяин выходить на схватку с «красным пехотом».

Для борьбы с пожарами между Никольской и Кологривской улицами был сделан водоем. Небольшой пруд, окруженный зеленью и домиками, вносит сейчас в го-

родскую застройку элементы деревенского пейзажа и уюта. Противопожарным целям служил и пруд, выкопанный на месте крепостного рва, со стороны площади.

Первое каменное здание Чухломы — Присутственные места — спряталось за высокими кронами деревьев на Октябрьской улице (Галичская). Здание, в котором размещались магистрат, дума, сиротский суд, а во дворе находилась кордегардия, встречало въезжавших в город из Галича.

Облик этого здания типичен для николаевской эпохи: суховатая сетка рустов в центре нижнего этажа, сандрики, гордо завершающие окна бельэтажа, и, наконец, неизменный фронтон с перечерченным из увража карнизом.

Много любопытных деталей деревянного зодчества можно увидеть на улицах Чухломы. Чухломские плотники в XIX веке, как и их солигаличские собратья, были известны даже в стольном граде. Каждый год десятки сотен мужиков из окрестных сел и самой Чухломы, заткнув острый топор за кушак и вскинув на широкие плечи котомку с нехитрым скарбом, отправлялись на заработки. Искусство этих умельцев и их учеников до сих пор привлекает внимание. Трудно пройти мимо дома № 9 по Октябрьской улице и не задержать свой взгляд на кружевном убранстве наличников. На этой улице, бывшей Галичской, было открыто в 1820 году приходское училище. Училище было размещено в деревянном флигеле, который пожертвовал и привез из своей усадьбы «Нескучново» помещик Н. П. Лермонтов.

Немало образцов народного мастерства и на соседней улице имени Горького. С незаурядным вкусом и художественным тактом выполнен небольшой трехконный особняк со светелкой, крытый мелкой щепой, напоминающей рыбью чешую (дом № 26). Очень эффектно смотрятся светлые ажурные наличники на фоне темной бревенчатой стены в доме на углу улицы Горького и Калинина. Дом был куплен в деревне Конеево и перевезен в Чухлому. Есть основания предполагать, что сруб значительно старше наличников.

Встречаются любопытные детали деревянного зодчества и на других улицах. Но более всего сохранила облик старой Чухломы Рыбачья слобода. С незапамятных времен на отлогих склонах вдоль берега озера селились рыбаки. Рыбный промысел издавна кормил чухломичей, недаром на гербе дореволюционной Чухломы красовались две скрещенные железные остроги на голубом

*Чухлома. Дом по ул.
Октября*

фоне безбрежной водной глади. Знаменитые чухломские караси до сих пор составляют одну из достопримечательностей города.

Флотилия лодок покорно уткнулась носами в берег; разделяя их, врезались в озеро мостки, чуть отступя от воды выстроились рубленые сараи и избы, связанные заборами. Некоторые домики взобрались на косогор и, упершись в земляной откос, взирают своими белесыми окошками на водную гладь. По промоинам и овражкам сбегают к озеру тихие, уютные улочки. Время словно отступило назад, сохранив патриархальный облик Рыбачьей слободки. Здесь меньше узорных деталей, меньше кичащихся своей красотой и благополучием зданий. Исключение составляет дом № 11 по улице Луначарского (бывшая Преображенская). Его резное убранство поражает своей необычностью. Широкая деревянная бахрома повисла вдоль карниза, окно светелки обрамили спаренные с резными поясками столбики,

*Чухлома.
Площадь Революции.
Бывший дом купцов
Ильичевых*

поля фронтона покрыл сочный растительный орнамент, словно снятый со стен дворца, выполненного в стиле барокко. Сочетание геометрически правильных линий и живописного свободного рисунка, суховатого пиленого узора и сочного пластичного орнамента, народных форм и классических мотивов выделяет это здание, запечатлевает его в памяти.

Улочки Рыбачьей слободки, расчертившие прибрежные склоны, очень живописны. Избы, сараи, ограды сливаются в общем синевато-пепельном колорите, в который врываются золотые пятна новых построек и рыжеватые полосы железных крыш. Но лицо города Чухломы представляла торговая площадь.

«О ТОРГОВЫХ ЛЮДЯХ И О ЛАВОЧНЫХ МЕСТАХ». Вся общественная жизнь города была сосредоточена на торговой площади. Громадное по масштабам города простран-

ство, замощенное камнем, что являлось редкостью в провинции, с широко раскинувшимися рядами добротных лавок составляло гордость чухломских обывателей. С почтением выстроились во фронт вокруг площади лучшие здания города, подобострастно взирая на магазины с богатыми товарами. Все примитивные взаимоотношения провинциального городка, с его несложной житейской мудростью — «по деньгам и почет» — читаются в гордо выставивших напоказ свою красоту каменных домах, окруживших площадь.

Примкнув друг к другу, словно ища поддержки, вытянулись вдоль красной линии казенные учреждения и купеческие дома. Лицом к озеру встали дома купцов Тагановых (ныне библиотека), Климовых (здание музея). На углу Никольской улицы (современная улица В. И. Ленина) расположилась чайная купцов Большаковых. Довольно безликое двухэтажное каменное здание с изящной металлической решеткой служит в наши дни гостиной. Помещение бывшего клуба дворянского собрания занял гастроном, а в первом этаже дома купцов Ильичевых удобно разместился книжный магазин. Дом Ильичевых, род которых известен в Чухломе с XVIII века, необычайно типичен. Фасад каменной части здания выполнен по одному из образцовых проектов на семь окон с четырехпилястровым портиком в центре. Некоторую индивидуальность купеческим палатам придает деревянная светелка с балконом. Снова обращает на себя внимание тонкий рисунок железной решетки, говорящий о мастерстве местных кузнецов.

Среди построек противоположной стороны выделяется здание бывшей городской управы, уступившей место детскому дому.

В ансамбль площади входит и Успенская церковь, частично замыкающая ее северную сторону. Этот каменный храм старше площади, чем и объясняется некоторая случайность его расположения по отношению к ней. Успенская церковь была построена на полушки и алтыны прихожан и вступила в строй задолго до составления регулярного плана Чухломы.

По данным «Статистического описания соборов и церквей Костромской епархии», она построена в 1730 году, но некоторые исследователи (например, В. Г. Брюсова), датируют Успенский храм 1695 годом. Однако в строгой симметрии постановки колокольни, в прямолинейном рисунке наличников приделов, в завершении лопаток барабана, превратившихся в пилястры, чувствуются худо-

*Чухлома.
Успенская церковь. 1730 г.*

жественные веяния новой архитектурной эпохи. В остальном храм чрезвычайно типичен и, возможно, именно благодаря этому он так хорошо вписывается в столь же обычную картину русского провинциального города. Прелесть этого уголка города не в гармоничной красоте архитектурных форм, не в поражающих изысканностью рисунка деталях, а в необычайной естественности всей застройки, в ее внутренней связи с окружающей средой. Храм очень хорошо поставлен и читается со многих точек в городе, усиливая выразительность его спокойного силуэта.

Расположенная на пригорке среди уютных деревянных домиков и раскидистых деревьев, Успенская церковь чем-то напоминает поленовский «Московский дворик». Что-то родное, близкое и в то же время далекое, уходящее приковывает ваше внимание к этому уголку города. Трудно объяснить чувство, которое возникает, когда смотришь на согнутые временем домики, на тускло

поблескивающие кресты, перечеркнутые электрическими проводами — это встреча с историей родины и в то же время прощание с отжившим ее периодом. Есть какое-то непередаваемое ощущение причастности к прошлому, и оно иногда возникает именно в таких, казалось бы, непримечательных местах.

Торговая площадь Чухомы с позиций сегодняшнего дня — заурядный городской центр с разностильными малоэтажными зданиями, маловыразительный и сильно устаревший. Но вправе ли мы прилагать к застройке прошлого века современную мерку? Очевидно, надо вводить какой-то временной коэффициент. Кроме того, картину площади дополняла небольшая часовня Параскевы Пятницы, отжатая торговыми рядами в менее бойкий, затишный северо-западный угол. Часовня — заступнице торговых людей — была поставлена не только, чтобы снискать ее покровительство, но и в память о страшной моровой язве 1455 года. Давно исчез

*Чухлома.
Береговая полоса
в районе древней крепости*

Этот памятник, а несколько лет назад были разобраны и последние представители благополучия чухломских купцов — торговые ряды. На территории площади, занявшей почти сорок тысяч квадратных метров, разбили сквер, посадили цветы. Мало кто сейчас обращает внимание на замощенные площади, на обычные булыжные камни. А у них довольно интересная история!

...С начала XIX века в течение более десяти лет с каждой въезжавшей в город подводы взимался налог на замощение площади. Аналогичные меры, но в больших масштабах принимал еще Петр I. В 1714 году для ускорения строительства Санкт-Петербурга самодержец издал указ, требовавший, чтобы каждый корабль и даже телега, прибывавшие в столицу, привозили бы определенное количество камней для зданий «Северной Пальмиры». Через сто лет, исполняя строгий наказ городских властей Чухломы, стражники в мундирах останавливали у заставы груженные телеги и скрипучие возы

и требовали по два булыжных камня или взыскивали налог в пять копеек. Тринадцать лет, с 1815 по 1828 год, укладывался ряд за рядом на собранные деньги привезенный окрестными жителями булыжник. С каждым летом рос каменный островок среди вязкой черной грязи, образуя достойный постамент для купеческих лавок.

Развеялся ореол купеческой славы, а камни, заросшие травой, лежат на площади Чухломы.

ПЕРВОСТАТЕЙНЫЙ КУПЕЦ ИЮДИН. Трудно составить правильное суждение об архитектуре определенной эпохи, не представляя людей того времени, не зная их интересов и вкусов. Архитектура мертва без людей. Это пустая, потерявшая свою прелесть и значение скорлупа, каменная коробка, лишенная человеческого тепла и уюта. Нужно уметь заселить пустые комнаты, наполнить залы людьми, поставить воинов на боевых площадках башен. Если вы обладаете таким даром, то тогда ничем не знаменательная на первый взгляд улица с потерявшими свою индивидуальность зданиями вдруг оживет, сделается интересной. На углу у фонарного столба с закопченным стеклом замрет сутулая фигура извозчика в армяке и картузе. На фоне Присутственных мест вырастет городской со сверкающей кокардой. Заполнится праздной публикой городской сад. Франтовато одетые чиновники и молодежато подтянутые «душки-военные», распираемые от гордости помещицы в тугих корсетах и, словно заморские попугайчики, барышни в ярких платьях наполнят дорожки, оживляя скромные оттенки зелени броскими красками своих нарядов.

Изменится и торговая площадь. Над монотонными рядами лавок появятся аляповатые вывески с фамилиями чухломских богатеев. За прилавками встанут бородатые купчины с золотыми цепочками на животах. Во всех углах площади возникнут, как заклятие, надписи: «Магазин Июдина», «Торговля Июдина», «Лабаз Июдина»... Июдин... Июдин... Семь раз прогремит и откликнется, словно эхо, фамилия первостатейного купца — Федора Ивановича Июдина.

Июдины были не случайные люди в Чухломе. В одной из дозорных книг 1615 года уже отмечается двор Ивашки Июдина. Два столетия выбивался род Июдиных в «люди». Наконец, в один из дней 1807 года Федор Иванович удостоился великой чести быть занесенным в

Санкт-Петербурге в бархатную книгу знатнейшего купечества Российской империи. Исход XVIII века и начало XIX были золотым временем для чухломских купцов, когда эти представители города, ставшего синонимом косности и скуки, вели обширную заграничную торговлю.

Подобно чудовищным змеям, ползли обозы, груженные сырьем и товарами, к притокам Северной Двины и Сухоны. Кули с пенькой, дорогие меха, мешки с льняным семенем перегружались на суда и по могучим северным рекам доставлялись в Архангельск. В «морских воротах» Древней Руси у Ф. И. Июдина были свои канатный и салотопный заводы. Из шелковистой пакли, похожей на выцветшие на солнце волосы крестьянских девушек, плели, как косы, крепчайшие канаты, в темных, вонючих помещениях, словно в аду, топилось сало в гигантских котлах. У бревенчатых причалов Архангельска деловито покачивались морские корабли Июдина. На своих судах доставлял в Англию и Нидерланды чухломской купец 1-й гильдии русское сало, прочные канаты, сибирских соболей и непревзойденную по выработке кожу. Обрато суда плыли с трюмами, заполненными бочонками с пряным вином, французской водкой, тонкими шелковыми тканями и добротным английским сукном. Чухлома была основной поставщицей винного зелья. Чухломские купцы наживали огромные капиталы, снабжая заграничными винами и водкой не только всю Костромскую губернию, но и соседние.

Процветанию торговых дел Июдиных положило конец возобновление в 1809 году очередной русско-турецкой войны. За тридцать земель от Чухломы корабли Июдина с богатыми товарами были захвачены турецкими войсками. Пошатнулось положение кораблехозяина и заводчика, покатались слухи о разорении Федора Ивановича. Со злорадством вычеркнули соотечественники Июдина из списков купцов и записали его в мещане. Не помогло и официальное разъяснение Костромского губернатора, что в контрибуцию, которую должна заплатить Турция России после блистательных побед М. И. Кутузова, включена сумма стоимости кораблей и товаров, принадлежавших Июдину, что ему причитается получить от турецкого правительства ни много ни мало один миллион 764 тысячи золотых рублей.

Через несколько лет в Государственный банк поступили из Турции деньги для господина Ф. И. Июдина. Но уроженец Чухломы, оценивший «признательность» со-

граждан, не захотел вести торговлю в своем родном городе и перенес ее в Одессу, на берега Черного моря. Покинули Чухлому и многочисленные торговые представители рода Июдиных. Приостановилась заграничная торговля чухломских купцов. Вместо чужеземных товаров в далекую Чухлому прибыли в 1814 году 119 пленных французов.

Однако отчие земли всегда остаются близкими, и Красноярский купец Геннадий Васильевич Юдин, утерявший букву «и», но сохранивший любовь к своему роду, в 1902 году издает в Красноярске фундаментальный труд в двух томах: «Материалы по истории г. Чухломы и рода костромичей Июдиных». В предреволюционные годы состарившийся, совершенно одинокий библиофил с расстроенными коммерческими делами вынужден продавать свое имущество. За бесценок идут Ачинский винокуренный завод, золотые прииски, доходит очередь и до бесценного сокровища — редчайшей библиотеки, насчитывавшей около 80 тысяч томов и 100 тысяч рукописей, среди которых были ценнейшие документы Российско-Американской компании, материалы о первых поселенцах на Аляске и освоении Сибири. В начале Г. В. Юдин предлагает купить уникальное собрание царскому правительству. Но, получив отказ, идет на непатриотический акт и продает книги и рукописи американскому президенту. Представитель Теодора Рузвельта в 1907 году купил по дешевке, всего за 40 тысяч рублей, библиотеку, которой не было цены. Библиотека Юдина была известна многим любителям книг, ею пользовались Красноярская интеллигенция, политические ссыльные, ученые. Работал в ней и В. И. Ленин в годы шушенской ссылки. Сейчас собрание, к сожалению, составляет костяк «Славянского отдела» Библиотеки конгресса США.

Другими глазами смотришь ныне на улицу Калинина, проходившую по округлой линии земляного вала и носившую имя Овальной, а часто называвшуюся Июдинской. Внимательно всматриваешься в обычный дом № 9 на улице Свободы, который, по словам старожилов, принадлежал Июдиным.

Чухлома уютный, зеленый городок со своим необычным сегодня лицом. Своеобразно выглядит город с озера. Разнообразные пятна серо-коричневых оттенков окружают большой, доминирующий над всем зеленый массив. Быв-

шая крепость Чухломы выглядит очень миролюбиво. Сочная зелень мягко спускается к воде и растекается по ее глади бесчисленными зигзагами. На темном фоне компактной застройки светится белая Успенская церковь. Дальше береговая полоса становится ниже и плавно переходит в синеющие дали, уменьшаются и домики, сливаясь в общую лиловатую массу.

Мне запомнилась Чухлома с низко нависшими над посеревшим озером, беспокойно мечущимися облаками, с тонким, как будто нарисованным акварельными красками силуэтом Авраамиева монастыря, с темными, наспившимися избами, сгрудившимися возле берега.

3. Солигалич

У СОЛИ ГАЛИЧСКОЙ. В давние времена татаро-монгольской неволи пробираются русские люди в дремучие леса Галичского княжества к драгоценным соляным источникам. Нет достоверных данных о том, когда впервые начали вываривать соль в землях Галича. Однако уже в начале XIV века, в годы усиления Москвы, «соли галичские» были хорошо известны и представляли немалую ценность. Не случайно о галичских соляных варницах упоминает в своем духовном завещании от 1332 года расчетливый московский князь Иван Данилович Калита.

Со временем населенный пункт у «соли галичской» разросся и получил наименование города Солигалича. Местная летопись связывает основание Солигалича с именем галичского князя Федора Семеновича, далекого потомка Александра Невского. «Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской» описывает, как в 1335 году князю Федору Семеновичу и игумену Афанасию было знамение «вънезапу свет явился велик сияюще на западно стране... аки заря преклоняше от небеси и к земли». Сполохи северного сияния, редкого в этих районах, очевидно и послужили причиной решения князя поставить церковь в том месте, где он видел «столп от небеси».

Собрал Федор Семенович своих бояр и направился через великий лес в земли пустые искать обетованное место. Более ста верст по нехоженным тропам двигался княжеский отряд через лесные дебри, мимо Чудского

озера (Чухломского) и наконец выбрался к реке. Вдруг увидел князь, повествует легенда, дивную белую лань. Очень понравился князю зеленый мыс, омываемый водами Костромы-реки, где появилась необычная лань, и повелел он «воздвигнуть церковь Воскресение... Христа понеже воскресение свет видел и монастырь устроити». Спешилась княжеская свита, выросли среди деревьев шатры высокие, и понеслись по берегу напевные звуки молебна. Привычным взмахом руки благословил игумен Афанасий князя, который «нача лес сечи», расчищая участок для храма. «На Вознесениев день» торжественно размерили на выровненной площадке основание церкви. Веселый перестук топоров нарушил вековую тишину леса, полетел золотой дождь щепок на замшелую землю, крепкие мозолистые руки с озорной песней рубили церковный сруб, делали тес и заготавливали лемех для маковок. Быстро работали «древодели» и «совершиша церковь на Илнъ денъ». Всего одно лето потратили галичские плотники, чтобы возвести «велми чудну» церковь высотой в 33 сажени. Указанная летописцем огромная высота храма, не менее 50 м¹⁸, позволяет предполагать, что он имел башнеобразную форму и, скорее всего, завершался остроконечной шатровой кровлей. Взлетающие легко вверх в поднебесные дали массы храма с сияющим на огромной высоте крестом легко ассоциировались с увиденным чудесным огненным столпом, который был воспринят как знамение. С гордостью пишет летописец, что «отвьсюду бяше видети» церковь Воскресения.

Полюбился князю Федору Семеновичу основанный им Воскресенский монастырь. Щедро одарил он отдаленную обитель. Дал в вечное пользование монастырю «села своя любимые и волости», уступил две трети Чудского озера и четверть Галичского и разрешил рыбную ловлю «во всех реках». Богатеет святая обитель, появляются у нее свои соляные варницы, свои мельницы, свои поля и луга, а главное — свои рабочие руки. Стекается к пользующемуся покровительством самого галичского князя монастырю обездоленный люд. На берегу Костромы, рядом с обителью, постепенно возникает ремесленная слободка.

Но не ограждают кресты Воскресенскую обитель от нападений ветлужских и вятских черемисов. Приходится сыну Федора Семеновича — князю Андрею — в 1354 году «поставити около монастыря... острог для воинских людей». Были выданы воинам в сутане и «огненной

бой» и всякий «воинский снаряд», а «головою» назначен боярин Иван Васильевич Золотарев.

Потекла более спокойно монастырская жизнь за крепкими деревянными стенами. Но междоусобная вражда не прекращалась, и в августе 1372 года воинская буря налетела на Соли Галичские. Неожиданно под Воскресенским монастырем появляется войско черемисского князя Никиты Байбороды. Три дня бились защитники града и монастырская братия с «погаными» и «лобиша их многих». Однако силы были неравные. Вражеское войско «сташа приступати и подметь [осадные орудия] возити зажгоша острог». Клубы черного дыма поползли вдоль реки, победоносные крики огласили окровавленную землю. Не успел оправиться монастырь от страшного разорения, как новые враги — казанские татары — пришли в галичские земли. Не до восстановления обители было князьям Галича, занятым борьбой за великокняжеский престол. Теряет свое главенствующее положение запустевший монастырь, уступая место посадку, промышлявшему солью.

В 1450 году Соли Галичские окончательно были присоединены к Московскому великому княжеству. Московские князья всячески стремятся оградить свои вновь приобретенные северные владения от нападения татар. Возводится целая система земляных крепостей в Ветлуге, Кологриве, Галиче, Парфеньеве, Чухломе. Видимо, в это время сооружаются земляные валы и в Солигаличе. Есть основания предполагать, что крепость Солигалича уже существовала в конце XV века.

«ГОРОД ВО ВЗЯТИИ НЕ БЫВАЛ». На этот раз укрепления города были сооружены не вокруг монастыря, а на противоположном, левом берегу реки Костромы, против площади с соляными варницами. На относительно ровной поверхности невысокого берега насыпали валы высотой почти в трехэтажный дом (около 8 м). Земляные укрепления с трех сторон окружили ровом, который соединялся с рекой. По краю земляной воронки умелые горододельцы поставили деревянную стену с восемью башнями. Замокнулся периметр городских стен, закрылись ворота, замерла стража на дозорных вышках.

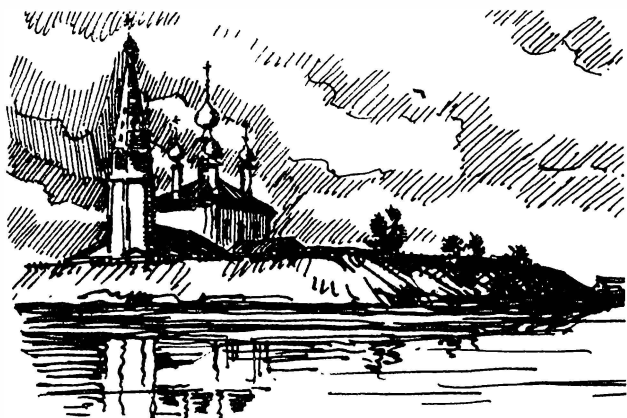
Современные жители Солигалича привыкли к размытым контурам городского вала с группками деревьев, деревянными сараями, белыми пятнами зданий и тонкой железной трубой. Обыденность зеленых склонов, с рас-

положившимися вокруг на должной дистанции уютными домиками, заслонила героическое прошлое солигаличской твердыни. А земляным валам есть что рассказать о воинской доблести предков и их патриотизме. Если бы современные жители города помогли древним валам хотя бы одной мемориальной надписью, то они поведали бы, что «в лето 1532 г. ...месяца генваря в 18 день... прииде рать велия поганых варвар в галичские пределы, четыренадесять тысящ, и доидоша варвари до града Соли Галичския, зело величяхуся и хваляхуся град той взяти».

Тревожно загудел всполошный колокол, побежали посадские люди под защиту городских стен, бросая добро свое.словно стая голодных волков, «облегоша окрест града» татарское войско. «Три дня и две ночи» бились малочисленные защитники города с несметными полчищами татар. «В котлах железных грели воду и кипятком на поганых плескали». С гортанным гиканьем под пронзительные звуки дудок и бой барабанов бросались татарские воины на штурм крепости.

Устоял град Солигалич, отступило татарское войско. Избавление города от разорения было приписано церковью заступничеству «угодника божия Макария». Чудесное видение «мужа честна, едуща на коне» в огнеобразной одежде, испугавшего татар, описано в «Житии преподобного Макария Унженского». В память о чудодейственной защите города при Успенском храме, стоявшем внутри крепости, был заложен придел преподобного Макария.

Деревянный Успенский храм был ровесником солигаличской крепости и славился чудотворной иконой Макария Желтоводского (Унженского). Только в конце XVIII века, после пожара, деревянный «старособорный» храм был заменен каменным. В 1786 году «усердием граждан и деревенских прихожан» начал сооружаться в кирпиче Успенский храм. Этот памятник архитектуры тоже не дошел до нас (разобран в 1930-х годах) и известен сейчас только по музейным фотографиям. Здание было выполнено в архаизированных формах приходского храма XVII века, с трапезной и колокольной на одной оси. Немоощные, словно обессиленные главки тянулись вверх, пытаясь сравняться со стройной шатровой колокольной. Художественная ценность храма заключалась в основном в церковной утвари и древних иконах. Легенда о чудесном спасении Солигалича в 1532 году от многотысячного войска татар, усилившая авторитет церкви,

Солигалич. Крепостные вала и Старособорный Успенский храм. 1786 г. Разобран в 1930-х годах. Рисунок автора со старой фотографии

была запечатлена на ряде местных икон, хранившихся в Успенской церкви. На образах преподобного Макария были бесценные для истории изображения городского строения Солигалича и деревянной Успенской церкви. Несмотря на условность иконографического рисунка, из глубины веков проступают контуры вала четырехугольной формы с деревянными стенами. На углах стен и посредине возвышались островерхие восьмиугольные башни. Двое ворот — Спасские и Дмитровские — с окованными железом полотнищами вели в город. Эти и другие детали икон в сочетании с письменными источниками позволяют представить, как выглядел град Солигалич более четырехсот лет назад.

Под прикрытием крепостных пушек на противоположном берегу развивался посад. На территории современной торговой площади и санатория стояли глухие, закопченные срубы варниц. Бревенчатые клетки, иногда до двухсот квадратных метров площадью, с узкими про-

резами вместо окон и большим отверстием в крыше для дыма, возвышались над ямой, в которой разводили огонь. Над огнищем подвешивался огромный ящик (цреш) из кусков кованого железа, соединенных заклепками, в котором кипятили рассол. В чаду, окутанные паром, рабочие люди с разъеденными рассолом руками в течение 24—36 часов вываривали соль. Тысячи пудов «белого золота» вывозили из Соли Галичской. Выгодный промысел притягивал в город торговых людей, откупщиков, промышленников. Не брезговали наживой и святые обители. Шесть монастырей имели свои варницы в Солигаличе.

Детище Сергия Радонежского — Троице-Сергиев монастырь в конце XVI века, согласно писцовым книгам, имел «у Соли ж на посаде» сорок пять оброчных дворов, «а живут в них безпашенные люди, кормятца у варниц». Имел монастырь и собственные варницы, и огромные соляные амбары, и свою мельницу с «колесом неметцким».

Ежегодно божьи слуги аккуратно собирали оброк с холопов своих — с более зажиточных дворов «по 3 руб. и по 12 алтын по 2 деньги на год», а с бобыльских «по 4 алтына с дымом».

Записи дотошных писцов дают возможность составить некоторое представление о Солигаличе XVI века.

Город развивался на правом, более высоком берегу, где стоял и Воскресенский монастырь. Оторвавшись от кремля, посад связывался с крепостью мостом, который, судя по всему, находился на месте ныне существующего. Возле моста расположились причалы с привязанными остроносными стругами, широкими ладьями и быстрыми ушкуями. Выше, покровительственно осеняя крестами пристань, стояла рубленая церковь защитника моряков и плотников — Николая Чудотворца. По соседству с Никольской церковью на береговом склоне раскинулось «кладвище дровяное к варницам». Дальше разместились группками вокруг колодцев сами варницы и, словно их стражи, громадные амбары для соли. Мимо варниц побежала Большая улица в Пречистенский приход. Среди посадских дворов, недалеко от берега, вскинула свою главку клетская церковь Афанасия Александрийского. Против храма, построенного на деньги Троице-Сергиева монастыря, расположилась монастырская мельница.

Разный люд жил на посаде. В «новой слободке» имел свой двор сапожный мастер, там же проживал «зелейщик» — специалист пороховых дел. В монастырском

дворе стояла изба мельника, а на улице «на Кургане в Офонасьевском приходе» ютился «Милка-скоморох».

Наступил XVII век. Польско-литовские отряды разоряли русские города. В 1613 году «у Соли Галичской на посаде литовские люди вреда много сотворили, град пожгли, а людей многих порубили и полонили». В тяжелых братных делах прошло начало «бунташного» века. Отстоял русский народ свою родину и потянул снова привычное «тягло». Но не прошли даром жестокие классовые столкновения. Посадское население добилось некоторых успехов, закрепив свои права на городские ремесла и торговлю — «вольный торг», что было юридически оформлено в «Соборном уложении» 1648—1649 годов. Немалого добились и дворяне, получив право передавать свои поместья по наследству, подобно боярским вотчинам. Оживились торговые связи, увеличились помещичьи доходы, окрепли местные промыслы — наступила пора образования «всероссийского рынка». Не остался в стороне от этого процесса и Солигалич. На площади выросли новые варницы, встали шеренги амбаров, протянулись торговые ряды и поплыли по реке Костроме «струги с солью и с иными товары купецкими». До четырехсот тысяч пудов соли поставлял Солигалич ежегодно на российские рынки и ярмарки.

Затерявшийся среди непроходимых лесных чащоб городок оказался на одной из важных торговых дорог допетровской Руси, на пути, соединявшем основную экономическую артерию — Волгу — с единственным морским портом России — Архангельском. Из Костромы и Ярославля через Солигалич по реке Костроме потянулись караваны судов, через волоки и перевалочные пункты товары доставлялись в Тотьму и по Сухоне и Северной Двине — в «Архангельский город».

Своеобразный памятник торговых связей далеких Солей Галичских с Западной Европой висел на колокольне Воскресенского храма. На благозвучном колоколе весом в 215 пудов красовалась латинская надпись: «Хвала Богу построил Ассверус Костер в Амстердаме 1631 года для Солей». Тысячи километров по морю, рекам и сухопутью вместе с другими товарами проделал фряжский колокол, прежде чем его «малиновый звон» огласил окрестности Солигалича.

Центр жизни города все больше перемещался в посад, на правый берег. Торговая площадь с варницами обрастала новыми слободками и приходами, концентрически располагавшимися вокруг этого производственного и

торгового ядра, пока пожар 1649 года не уничтожил церкви, соляные варницы, торговые ряды и многие дома.

Набравший силу посад стремится наглядно показать свое экономическое благополучие в красоте и богатстве каменных культовых зданий, определявших во многом лицо древнерусских городов. В годы крестьянской войны, когда волны народного гнева докатились до заволжских земель, сооружаются в Соли Галичской два каменных храма. В то время как отряд атамана Ильи Пономарева наводил страх на царских холопей, в древнейшем солигаличском монастыре заканчивается кладка стен и сводов Воскресенской церкви.

«ПОСТАВИ ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНСКУЮ КАМЯНУ С ТРАПЕЗОЮ И ЗВОННИЦУ УЧИНИЛИ». Словно зачарованные, стоят на берегу Костромы церкви Воскресенского монастыря. Зеркало реки отражает их изысканные, немного манерные силуэты, точно так же, как отражало оно и деревянные храмы обители, положившей, согласно летописи, начало городу Солигаличу. Много утекло воды с тех пор, много сменилось рубленых церквей, пока в 1660 году не начали работные люди копать рвы под фундаменты каменного Воскресенского храма. Долго строился первенец каменного зодчества Солигалича. Только через девять лет поднялись над тесовыми крышами каменные барабаны с узорными крестами. Прошло еще десять лет; монастырская братия снова испросила разрешение на постройку храма в камне, а в 1681 году уже происходит торжественное освящение новой Богоявленской церкви.

Возможно, в каком-нибудь запыленном деле, затерявшемся в архиве, значатся имена мастеров, возводивших постройку Воскресенского монастыря, а возможно, хозяйственные монахи, записывая, сколько алтын дано на корм мастеровым, так и не удосужились указать их прозвища. Во всяком случае, это были сведущие строители, знакомые с работами местных и столичных собратьев. Они умело объединили в живописную группу колокольню, теплый (зимний) и летний (холодный) храмы. Всего три объема, а какое многообразие впечатлений, сколько различных точек зрения, дающих все новые и новые комбинации из таких знакомых, привычных форм.

Колокольня выдвинута в сторону посада. Она встречала и величественно приветствовала приходивших бо-

гомольцев. Степенно, как бы не спеша, развивается ее композиция. Из кубического статичного основания вырастает невысокий восьмерик и, словно набирая скорость, устремляется вверх, переходя в наклонные грани шатра, стремительно возносящие в небо небольшую главку. Ускоряющееся по мере подъема движение подхватывают окошки шатра; они карабкаются к вершине, уменьшаясь в размерах и усиливая иллюзию высоты.

Сотни подобных колоколен возвышаются по сей день в старинных уголках и в современных благоустроенных районах русских городов, и все-таки каждая из них имеет свой облик, свою индивидуальную характеристику. Колокольня солигаличской обители не может сравниться с дерзновенно взметнувшейся ввысь на 75 м звонницей Иссифо-Волоколамского монастыря или с поразительно стройным столпом церкви Иоанна Златоуста в Коровниках, бывшей слободы Ярославля, но она обладает какими-то особыми чертами уюта и деловитости. Колокольня непосредственно связана с летней Воскресен-

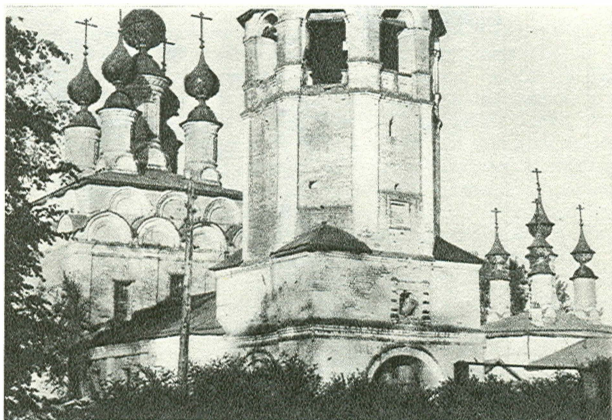
*Солигалич. Колокольня
бывшего Воскресенского
монастыря. XVII в.*

ской церковью — это ориентир и парадный вход. Пройдя через широкие проемы звонницы, попадаешь в низкую, слабо освещенную трапезную, а когда затемходишь в храм, то его относительно небольшое помещение кажется просторным и залитым светом. Тонкий художественный расчет хорошо сочетается с экономией материала. Приходится поражаться рационализму древнерусских зодчих, вернее, умению строить, сочетая эстетические задачи с практическими, создавать красоту как синтез художественных и технико-экономических требований эпохи.

Интерьер Воскресенской церкви утратил свой первоначальный вид. Только на своде сохранилась поврежденная роспись, выполненная в традициях перспективной живописи эпохи классицизма. Пространство храма без иконостаса, паникадил, амвона, с забеленными стенами выглядит пустынным и особенно целостным. Плоскости стен мягко переходят в криволинейную поверх-

*Солигалич. Ансамбль
бывшего Воскресенского
монастыря. XVII в.*

ность свода, смыкающегося над головой. Ни одно отверстие не нарушает монолитности покрытия. Все пять барабанов церкви глухие — это символ, дань традиции, своеобразная скульптурная группа, выросшая из каменных лепестков закомар, расположенных в два ряда на каменном своде.

Снова контраст, на этот раз единого внутреннего пространства с расчлененным наружным объемом. И опять тот же принцип органического роста формы вверх, ее дробления и уменьшения однотипных элементов.

Древние узорные наличники удалось сохранить далеко не всем окнам храма. Кирпичный узор вокруг оконных проемов сплетался мастерами с особой любовью, объединяя вековые привычки деревянного дела, приемы резьбы и искусство вышивки. Характерное для середины XVII века обилие пластических деталей сочетается с простотой общего композиционного построения. Подобно визитным карточкам зодчих, представляющим их худо-

*Солигалич.
Воскресенский монастырь.
Богоявленская церковь.
1681 г.*

жественное лицо, вырисовываются на выветрившейся стене замысловатые обрамления. Через столетия доходят до нас эстетические устремления эпохи, времени крепнувшего мирского искусства, искусства, предназначенного для человека, призванного радовать простых смертных, доставлять им радость бытия.

Уступая место главному храму Воскресения, несколько поодаль от него, среди высокой травы скромно расположилась теплая Богоявленская церковь. Ее безвестные строители использовали аналогичную типологическую схему, по которой была возведена главная монастырская церковь. Храм Богоявления в миниатюре повторяет структуру своей старшей сестры — трапезная предшествует храму с декоративным пятиглавием, завершающим глухой сомкнутый свод. Художественной общности способствует и близость архитектурных форм. Это, несомненно, родственники, но сохраняющие субординацию и индивидуальность или, выражаясь современ-

ным языком, — это подлинный ансамбль, принципы построения которого применимы и в наших городах.

Единству композиции, ощущению общности двух храмов способствует закономерность динамики нарастающих объемов, получающих свое завершение в гордо вскинутой главе колокольни. Развитие однотипных форм начинается с приземистого, словно придавленного пятиглавием храма Богоявления. Ритм одного ряда его кокошников подхватывается двойным поясом арок Воскресенской церкви, волны кокошников поднимаются вверх, вздымаются вместе с ними церковные главы, легко взбрасывая в поднебесную синь перекладины крестов. Особенно показательны завершения храмов. Десять почти одинаковых барабанов увенчаны созвездиями куполов — извечная тема Древней Руси. Сочетание цилиндра и сферической поверхности, казалось, давало так мало возможностей для яркой своеобразной характеристики. Но мастера в полотняных рубахах, нередко ставившие на

*Солигалич. Вид на бывший
Воскресенский монастырь*

←

подрядках три креста вместо подписи, изыскивали каждый раз новые, неповторимые формы барабанов и их глав, которые соответствовали всему художественному образу храма. Можно полагать, что немного манерные главки церковей Воскресенского монастыря сменили более простые, выполненные первоначально в XVII веке. Однако мы воспринимаем памятник сейчас таким, каким он есть, и следует отдать дань таланту последующих мастеров, сумевших понять и дополнить замысел своих предшественников. Почти незаметным изменением верхней части маковки художник (он имеет право на это звание) придает главам меньшего, Богоявленного храма определенную динамичность и устремленность ввысь. Главам же большего, Воскресенского храма присуща, как и подобает, некоторая степенность и уравновешенность.

Давно исчезли монастырская ограда и братские кельи, территория обители покрылась грядками парникового

хозяйства, и только вековые березы по-прежнему шепчутся вокруг древних храмов. Особенно хороши церкви Воскресенского монастыря с противоположного берега реки в перламутровом ореоле белых ночей. Их ажурные абрисы прорезают темную полосу береговой зелени с невысокой застройкой. Сбившиеся в компактные группки, церковные главы кажутся вырезанными из черной бумаги шахматными фигурками, расставленными на двух огромных досках.

«НАЧАТА СТРОЕНИЕМ В 1668 г., А СВЕРШЕНА БЫТЬ В 1805 г.»

Не успела пришедшая артель каменщиков завершить Воскресенскую церковь, как примерно в трехстах метрах от нее, ближе к торговой площади, начали размерять основание для каменного храма Рождественского девичьего монастыря. Биография этого величественного сооружения, занесенного в списки памятников архитектуры общесоюзного значения, содержит ряд незаполненных строк и даже белых листов.

Еще издали, с моста или Макарьевского вала, обращает на себя внимание некоторое несоответствие частей Рождественского собора. Поставленный напротив крепости Солигалича, в самой гуще посадской застройки, собор господствует над двухэтажными, облепившими его домиками. Необычно высокие, в два яруса, барабаны мало связаны с громоздким, тяжелым основанием. Создается впечатление, что четырехскатную крышу с восьмиугольными барабанами и изящными главками переставили с другого храма. Недостаточно складно скроена и колокольня, ее восьмерики не составляют единого целого с прямоугольным, массивным низом. Чувствуется разная художественная манера, различный творческий почерк мастеров каменного дела. Даже не очень опытный глаз ощущает наслоение вкусов целых поколений, принимавших участие в создании этого уникального сооружения. Праздничная нарядность нижней части храма сменяется сверху лаконизмом суховатых линий. Сочные пятна крупных наличников и лопаток, составленных из «ширинок», завершаются мелким профилем карниза с безжизненным рядом аккуратных, надоедливо одинаковых зубчиков.

Какие причины вызвали объединение столь разных эстетических форм и принципов? Большинство исследователей сходятся на том, что первые огромные валуны

*Солигалич. Вид города
и бывшего
Рождественского
собора. 1668—1805 гг.*

основания храма Рождества Пресвятыя Богородицы были положены в 1668 году. Есть материалы, которые позволяют говорить, что храм для девичьего монастыря начал строиться «по усердию» царицы Марии Ильиничны, дочери небогатого дворянина Ильи Даниловича Милославского, которая, по преданию, была уроженкой прихода Корцово и провела свои юные годы в солигаличских землях. Связи царственных лиц с Солигаличем устанавливаются и при помощи хранившегося в Рождественском соборе серебряного креста. На нем среди драгоценных камней имелась не менее драгоценная для истории надпись, которая свидетельствовала, что в 1680 году «сей крест» пожаловал в «Солигаличской Рождественской девичий монастырь» царь и великий князь Федор Алексеевич «в блаженном успении по своей матушке благоверной царице Марьи Ильиничне, что она государыня построила в 176 (1668) году». Но дальше пожертвования драгоценного креста дело не пошло, и деньги после смер-

ти царицы, последовавшей в 1669 году, поступать из государственной казны перестали.

Основываясь на описи Ивана Нелидова, выполненной в 1701 году, монастырские строения были окружены валом, имевшим «длинику 53, а поперечнику 38 сажен». За оградой возвышалась каменная церковь «соборная во имя Рождества Пресвятой Богородицы с алтарем, трапезою, рундуком и лестницей, — об одной главе, ожоуженной лемехами». Под нею находилась теплая церковь Покрова Богородицы. К церковной паперти была «прикладена колокольня каменная с 5-ю колоколами и часами». Церковь Рождества Богородицы, аналогичная по схеме храмам Воскресенского монастыря, стоит и поныне, как бы спрятавшись за широкой спиной собора. Она почти не претерпела изменений, если не считать односкатную железную крышу, снивелировавшую все объемы храма. Значительно сильнее пострадала колокольня, верх которой был перестроен в 1887 году.

Шли годы, а выведенные почти под своды стены второго большого храма Рождества Христова, входившего в монастырский комплекс, покрытые кирпичной «лепотою», так и стояли незавершенные пятиглавием. Подгнивали подмости, намокал большемерный «государев» кирпич, «на стенах выросли большие березы, а внизу, на своде первого этажа, — малинник, где церковнослужители ежегодно пользовались ягодами». В 1764 году был ликвидирован монастырь, а храм все ждал дня, когда снова закипит работа на его столетних стенах. Только через сто с лишним лет, в 1792 году, в эпоху расцвета русского классицизма, начали достраивать на средства прихожан Рождественский собор. В годы, когда на берегу Невы в стольном граде Петра создаются классические архитектурные симфонии, устюжские каменных дел мастера трудятся в Солигаличе над возведением сложного свода с пятью световыми барабанами над храмом XVII века. Северные зодчие отказываются от проверенной, знакомой всем системы парусов и принимают за основу конструкцию, напоминающую деревянные покрытия украинских церквей. Над квадратными отверстиями они выкладывают своеобразные шатры, образующие восьмиугольное основание для барабанов. Напоминают украинские храмы и двухъярусные восьмигранные завершения с главами. Почему за тысячи верст от «окраинных» земель Российского государства, в век поклонения античности, применяются приемы, близкие народному деревянному зодчеству Украины? Что это: привязанность

главы артели каменщиков к известной ему конструкции украинских строителей или случайное совпадение? Эту архитектурную загадку еще предстоит решить исследователям.

Постепенно обходя памятник, останавливаясь перед строками каменной летописи, раскрываешь скрытые от беглого взгляда черты его художественной биографии. Основание, видимо, строили опытные древнерусские мастера, возможно, костромичи, так как они совмещают материалность, весомость стен новгородских построек с московским узорочьем, что характерно для ряда сооружений Костромы. Но узорочье они делают более рельефным, пластичным, рассчитанным на неярко северное освещение. Каменодельцы XVII века стараются максимально насытить стену орнаментально-декоративными деталями. А мастер XVIII века отдает большую дань конструктивной логике, чем красоте пластических форм. Как решительно завершает он выполненный до него объем скупым суховатым карнизом с педантичным пунктиром «зубчиков». Современник Казакова и Боровиковского не считает нужным продолжать «вытканые» до него из кирпича дорожки ширинок и ограничивается тем, что доводит до карниза плоские лопатки. Его не прельщают переливающиеся на солнце, подобно жемчужной вышивке, вертикальные полосы прямоугольных уступчатых впадин, в каждую из которых, словно в оправу, вставлен высеченный из кирпича «бриллиант». Сколько наивного желания украсить, сделать здание занятым, привлечь внимание у зодчих, начинавших строить Рождественский собор! Ширинки с рельефами кувшинчиков, птиц и воинов на конях напоминают формы для изготовления фигурных пряников.

Как велика сила народного вкуса, пробившегося сквозь церковные запреты и украсившего стены храма обыденными житейскими образами, которые рисовались испокон веков на бытовой утвари и наполняли передававшиеся изустно от дедов к дедам сказы!

Насколько суше, прозаичнее геометрически правильные линии, очерчивающие окна восьмериков, по сравнению с сочным рисунком наличников нижней части собора. Правда, такое сопоставление не вполне правомерно, так же как непосредственное сравнение простодушной поэтической сказки с логически безупречным философским трактатом. Нельзя забывать, что зодчий XVII века во многом воспринимал мир с помощью художественных образов, а архитектор XVIII столетия

*Солигалич. Южный фасад
Рождественского собора.
1668—1805 гг.*

начинает на него смотреть сквозь призму научных понятий и математических формул.

Продолжим осмотр собора и постараемся поближе его узнать. Мощные полукружья апсид расчленены мелкой каймой из валиков и поставленных на ребро кирпичей. Плоский пояс, перехватывающий полнотелые упругие объемы «святая святых», подчеркивает пластичность, криволинейность алтарных стен, а грузные, вынесенные почти на всю ширину приземистые столбы придают особую материальность кладке и четко разделяют алтари. Художественная выразительность восточного фасада дополняется рельефным рисунком оконных обрамлений, которые одновременно способствуют более правильному восприятию масштаба этого огромного сооружения.

Огибая собор по движению солнца, с востока на юг, убеждаешься лишний раз в мудрости древних зодчих. Южный фасад, освещенный солнечными лучами большую часть дня, решен плоскостно, с выделением цент-

*Солигалич.
Вид Рождественского
собора с юго-запада*

ральной оси. Алтарный выступ уравнивает объем галереи, по центру помещено сочное пятно портала. Все три компонента фасада вытянулись по одной прямой. Основное внимание сосредоточено мастером на средней, плоской, как иконная доска, стене храма. Слово житийскую икону с клеймами, расчертил зодчий каменную плоскость на прямоугольники, обравив их богатой рамой из ширинок, и поместил посредине «оконные. лики» в кирпичных ризах. Сочный рельеф узорочья хорошо читается в лучах северного солнца.

За углом галереи, с западной стороны, выступает рисунок крыльца со сплюснутыми, похожими на тумбы столбами. Вынесенный вперед, он указывает вход в летнее, основное помещение собора. Если южный фасад компоновался нарочито симметрично с подчеркнутой статичностью треугольной композиции, то западный построен на живописном равновесии динамичных объемов — выдвинутого навстречу посетителям крыльца и

устремленной ввысь колокольни. Еще более активно выявлен монументальной звонницей вход на северной стороне. Лишенный светотеневых контрастов фасад, обращенный к полуночным землям, получил сложную объемно-пространственную структуру, компенсирующую слабую читаемость его пластического декора.

Цельности восприятия всего здания, несмотря на отличные друг от друга по композиции фасады, способствует стилевое единство форм нижней части. Немалую роль играет и общий пояс, который стягивает на уровне второго этажа различные по геометрической характеристике объемы, прочно привязывая их к монолитной кубической массе храма Рождества Христова. Однотипные наличники, варьируя одну и ту же тему, развивают и обогащают главную архитектурную мелодию, которая, несмотря на позднейшие наслоения, звучит мажорно, во весь голос, прославляя в веках красоту и великое искусство радовать человека. Однако пора уже заглянуть и внутрь собора.

МУЗЕЙ ИМЕНИ Г. И. НЕВЕЛЬСКОГО. Скромная надпись на северных дверях храма приглашает зайти в Краеведческий музей, носящий имя славного сына Солигаличской земли — адмирала Г. И. Невельского.

По скрипучим широким ступеням поднимаемся на второй этаж. Бывшие паперты и летняя церковь Рождества Богородицы заняты экспозицией. Стены трехсотлетней давности служат естественным фоном для исторических документов, древнерусского оружия и старинной утвари. Созвучие экспонатов архитектурной среде усиливает впечатление от незаурядного музейного собрания, делает историю для посетителей более вещественной и реально ощутимой. В помещении, исполнявшем функции трапезной, на полу лежит огромный чан, склепанный из кованых листов железа. В этой многосведерной посудине жители Солигалича в тяжелые дни осад кипятили воду и обрушивали ее на головы наступающих. По соседству со средневековым орудием защиты под стеклом сверкают яркими красками миниатюры рукописных книг — многие уцелевшие фолианты монастырских собраний. Солигалич внес свою посильную лепту в историю русских земель. Среди ценных памятников древней письменности можно назвать «Солигаличскую летопись» и «Синодик Воскресенского монастыря». В ризнице Рож-

дественского собора наряду с религиозными реликвиями сохранялись источники богословской мудрости: типикон 1607 года, два Евангелия львовской печати 1628 года и другие рукописи.

Выцветшие фотографии и забытые портреты напоминают о людях, связанных с Солигаличем и оставивших след в истории отечественной культуры. Среди них отважный путешественник и мужественный исследователь Г. И. Невельский, известная русская певица П. А. Бартенева, прозванная «московским соловьем», замечательный гравер Л. А. Серяков, выходец из крепостных крестьян, прошедший тяжелый путь от самоучки до академика, и другие.

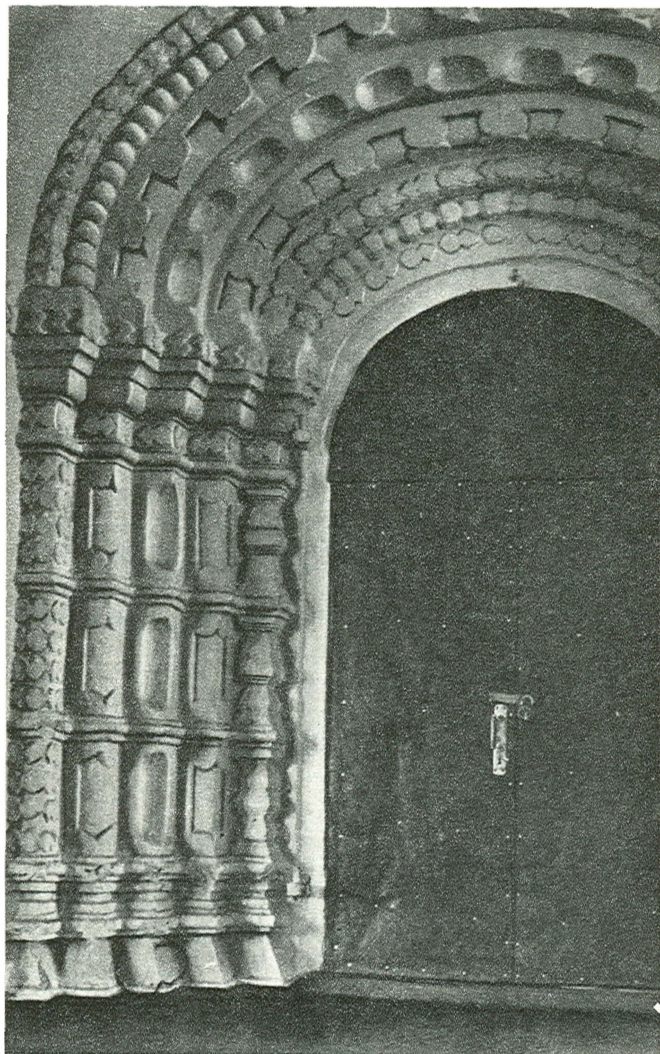
В бывшем храме среди предметов роскоши местных помещиков в простенке около двери висит поблекший снимок убогого домика, в котором коротала свои дни политическая ссыльная — Вера Засулич.

Просторное помещение галереи перед западным входом в собор Рождества Христова занято материалами советского Солигалича, рассказывающими о подвигах жителей города в Великой Отечественной войне и их мирных достижениях в области промышленного развития, сельского хозяйства и культурного строительства.

Очищенный от столетней грязи, сверкающий многообразием выдумки, портал вводит посетителя в самое величественное сооружение дореволюционного Солигалича — собор Рождества Христова. Но вид загрязненного храма, со сваленными в кучу атрибутами культа производит неприятное впечатление.

Невольно задаешь вопрос: почему не использовать храм для экспозиции древнерусской иконописи и культовой деревянной скульптуры, небрежно сложенной в алтаре? Это тем более кажется логичным, поскольку грандиозный, покрытый щедро сусальным золотом и резьбой иконостас достаточно хорошо сохранился и может служить сам достойным экспонатом.

Геометрически четкая основа прямоугольной сетки иконостаса, образованной декоративно трактованными ордерами, смягчена орнаментально-пластическими деталями и медальонами. Овальные рамки сложной формы, обвитые позолоченными листьями и ветвями, образуют дополнительные горизонтальные членения и способствуют лучшему восприятию масштаба театрализованного иконостаса. Спаренные медальоны над нижним рядом икон, увенчанные игривыми головками херувимов, словно сошли со стен французских отелей эпохи рококо. Во-

обще создается впечатление, что на строгую классическую систему колонн и антаблементов накинута орнаментальная вуаль в духе барокко.

Надо отдать справедливость, что резчики, выполнявшие иконостас, обладали незаурядным мастерством. Они, усиливая пластические средства выразительности и применяя отдельно стоящие витые колонны с виноградными лозами, выделяют места для нижнего ряда икон и среднего над царскими воротами, где размещались наиболее почитаемые образы.

Плохое состояние икон, сильно запыленных и почерневших от копоти свечей и лампад, уменьшает впечатление от этого своеобразного произведения народных художников. Можно предполагать, основываясь на данных местной летописи, что иконопись принадлежит палешанам. Она хорошо согласуется с иконостасом.

Из нижнего ряда икон в настоящее время занимает свое место только одна. Это очень интересная местная

Солигалич.

*Портал западного входа
в Рождественский собор*

икона «Алексея Человека божьего и Преподобного Авраамия Галичского». Историческая ценность иконы в основном в изображенном между фигурами архитектурном комплексе. Изучение деталей рисунка может пролить свет на былое зодчество Галичской земли.

Стенные росписи, сильно пострадавшие от времени, принадлежат кисти мастеров XIX века, возможно, даже местных «отходников» — маляров и лепщиков, работавших даже в столице. Своды собора покрыты разнообразными орнаментальными мотивами, характерными для классицизма, выполненными в традициях академической живописи. Оригинальные световые барабаны в виде своеобразных каменных шатров расписаны кессонами с позолоченными розетками на интенсивном зеленом фоне.

Помпезность интерьера дополняется посеребренной алтарной сенью, представляющей одно из многочисленных подражаний знаменитой сени Лоренцо Бернини с

Солигалич.
Резная фигурка. Музей им.
Г. И. Невельского

Солигалич. Иконостас
Рождественского собора.
1826—1827 гг.

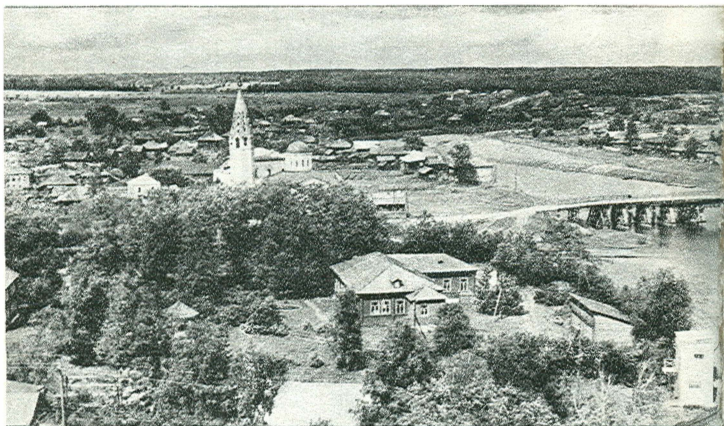

гигантскими витыми колоннами, отлитыми из античной бронзы стропил римского Пантеона.

Однако значительно интереснее, со многих точек зрения, малозаметные, брошенные без внимания детали некогда многофигурных скульптурных композиций. Трудно дать исчерпывающую характеристику и по достоинству оценить резные деревянные фигурки с поблекшими красками, с отломанными руками и носами, лежащие в пыли и практически недоступные для обозрения. Однако даже случайно взятые скульптуры обращают на себя внимание своеобразием художественного языка.

Особенно хороша фигурка девушки с поднятой рукой. Что-то трогательное, по-детски чистое читается в небольшом резном изображении. Миловидное лицо с типично народными чертами далеко от идеализированных иконографических образцов. Не случайно указ 1722 года запрещал установку скульптуры в церквях. Но вольнолюбивый Север продолжал вырезать из податливого дерева

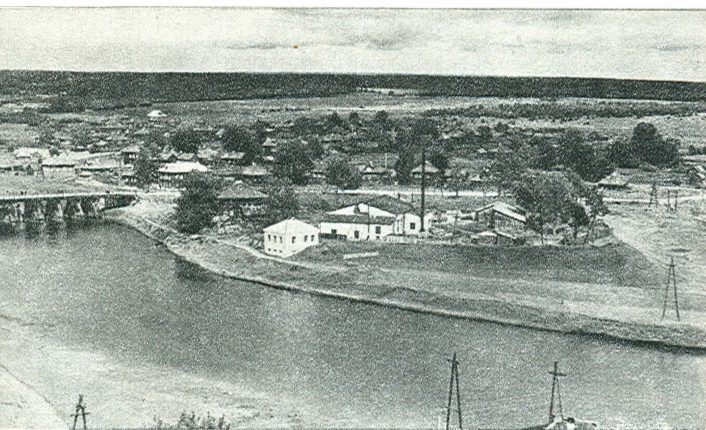

полюбившиеся, близкие народу образы обожествленных простых людей, так же как продолжал в XVII веке рубить запретные шатровые храмы.

Трудно сказать, что хотел выразить художник своим простодушным, преисполненным уважения и любви к человеку скульптурным произведением, но, несомненно, потрескавшаяся фигурка достойна занять место за витринным стеклом музея.

О художественных достоинствах северных ваятелей говорит также резная статуя Параскевы Пятницы, которая покинула в первые годы Советской власти привычный интерьер Пятницкой церкви в Галиче и заняла место в фондах Русского музея.

Возможно, еще не все потеряно и можно собрать разрозненные шедевры местного резного мастерства, источник которого уходит во времена деревянных истуканов, источник, пополнявший кадры виртуозных резчиков, прославивших русское барокко, источник, входивший в

*Вид города Солигалича
с колокольни. Справа
бывшая крепость, слева
церковь Николая на
наволоке*

могучий поток северного искусства резьбы, давшего миру великого скульптора Федота Ивановича Шубина.

Косые лучи неяркого солнца проводят золотые полоски по стенам храма, вырывают из тени гигантские, саженой ширины круглые столбы и прячутся в глубине хоров. Свет скрывает запущенность стен, маскирует поврежденность иконостаса, мягко обрисовывая контуры пространства, выявляя его гармоничность и необычную структуру устремляющихся вверх плоскостей шатров.

«С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА». Перед тем как покинуть музей, попросите разрешения забраться на колокольню. Высота всегда притягивала людей, пленяла воображение, возвышала и звала в неизведанные далекие миры. Много дерзновенных мыслей вкладывалось в триумфальные каменные и деревянные столпы, взлетавшие над обыденной, серой застройкой.

Со звонницы Рождественского собора открывается панорама всего древнего городка, укутанного в зеленую мантию лесов. Столетиями вглядывались русские люди с колоколен и сторожевых башен в даль, стремясь разглядеть опасность и вовремя дать сигнал. Глухие, тягучие звуки набата и тревожный перезвон колоколов не раз возвещали солигаличанам о пришедшей беде. Мерно сотрясала воздух медная громадина весом в 347 пудов (5,55 т), отлитая простыми русскими мужиками.

Какие необыкновенные просторы, какое искони русское приволье и красота открываются с колокольни. Как высота преображает город, делает возможным ощутить его пространственную структуру, отрешиться от всего мелочного, обыденного. Недаром русские изографы рисовали планы городов с колоколен.

Внизу в густой зелени утопают постройки грязелечебного курорта. Башнеобразное здание источника, граничащее с площадью, сверху кажется старинной варницей

*Солигалич. Вид на бывший
Воскресенский монастырь*

для соли. Дальше, по берегу Костромы, как каменный островок среди деревянного моря, возвышается обезглавленный храм Николы на наволоке, построенный посадскими людьми в 1688 году. Рядом словно привязанная к островерхой колокольне поднимает купол теплая Преображенская церковь — произведение 1821 года.

Бурые пятнышки домов тянутся вдоль реки, растворяясь постепенно в массе зеленых оттенков. Через белесую ленточку речной глади перекинулся мост с ажурным рисунком бревенчатых устоев. Пепельная ниточка дороги перебежала вслед за мостом на тот берег и на небольшом отрезке спряталась за крепостным валом, а потом, пробравшись сквозь домики, решительно направилась к лесу. Некогда грозная твердыня Солигалича, мужественно отражавшая вражеские набеги, выглядит невзрачно. Отдельные группки деревьев безуспешно пытаются прикрыть следы человеческого безразличия к прошлому года.

Хочется скорее перевести взор на правый берег Костромы, где на возвышенном мыску выстроился почетный караул из вековых деревьев вокруг храмов Воскресенского монастыря. Как гигантские вехи, вбитые человеком в безлюдном заволжском краю, стояли церкви Солигалича. Они «застолбили» основную торговую артерию — реку. Вдоль ее кромки, перекидываясь с берега на берег, возвышались символы веры и пафоса человеческого труда. Возле церквей расположились их верные оруженосцы — колокольни с гордо вскинутыми главами. Церковные ряды за долгие годы жизни города пореди. Особо ощутима потеря Успенского храма, возглавлявшего кремль Солигалича. Его отсутствие отразилось на пространственной композиции города. Из общей цепочки церквей, фиксировавших наиболее характерные точки прибрежной полосы, выпало среднее звено. Звено, закреплявшее положение старого центра города, — его детинца. Это единственная каменная церковь, которая стояла на левом берегу. Напротив Успенского храма на возвышении был поставлен монументальный объем Рождественского собора. Слева и справа от этой пространственной оси, уравнивая друг друга, расположились церкви Воскресенского монастыря, а с другой стороны — теплый храм Преображения и холодная Никольская церковь.

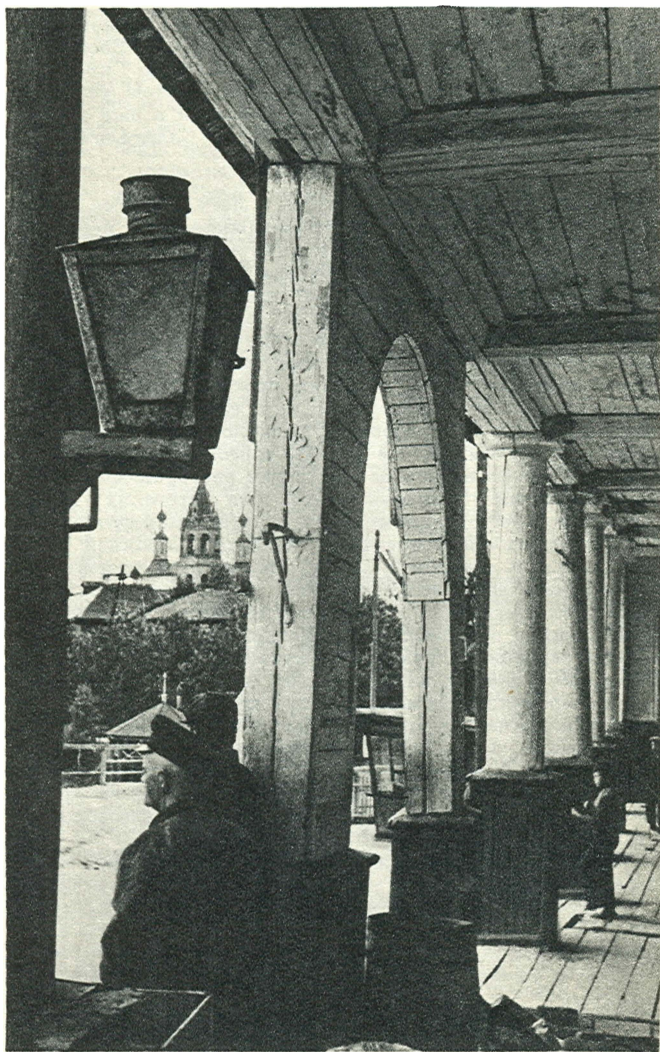
Зодчие Солигалича безошибочно определили места для высотных доминант города, связав эти ориентиры с излучиной реки и городской застройкой. Постепенно, сопутствуя развитию Соли Галичской, рубятся на наиболее приметных местах неприхотливые деревянные храмы. Их уничтожали неожиданные вражеские нашествия и привычные пожары, разрушала человеческая злоба и бесстрастное пламя, но на облюбованных участках, все лучше и лучше вписываясь в рельеф, возникали новые янтарные срубы, пока не пришли им на смену каменные храмы. За века своего существования культовые постройки — краса и гордость древнего города — становились неотъемлемой частью пейзажа. К этим общественным зданиям Древней Руси, как к композиционным центрам, тянулись артерии улочек, живящая «предивные храмы» в городскую плоть. В силу этого нередко необдуманно наносит большой урон выразительности старой части города. Еще несколько шагов по площадке звонницы. В следующий проем колокольни виден парк и мозаика жилой застройки. Круг замыкается на торговой площади, вокруг которой

концентрически формируется уличная сеть. Жизнь отодвинула в сторону древнейшее ядро города — Воскресенский монастырь и его оплот — земляную крепость. Идеологический и фортификационный центры уступили место торгово-производственному, который и был закреплён в XVIII веке генеральным планом Солигалича.

ТОРГОВАЯ ПЛОЩАДЬ. Канули в Лету соляные варницы, исчезла колокольня Крестовоздвиженской церкви, а сама церковь превратилась в кинотеатр. Разрослась зелень сквера, появилась автобусная станция, но площадь во многом еще сохранила свой дореволюционный облик. Территория древнего торжища не имеет строгой геометрической формы. В пространство площади, как в своеобразную воронку, вливаются с севера четыре улицы и, смыкаясь в единый поток, образуют проспект Свободы. Словно направляя это движение к началу проспекта и ограничивая стороны «воронки», расположились под углом друг к другу вытянутые объёмы торговых рядов, построенных в середине XIX века. Против раструба, образованного колоннами торговых рядов, на отрезках между улицами Крестовоздвиженской (ныне Коммунистическая), Пятницкой (ныне К. Либкнехта), Горочной (ныне Советская) и съездом к мосту, красовались каменные и деревянные дома солигаличской знати вперемежку с трактиром, штофной лавкой и другими заведениями. Возглавляло это сборище разнотипных зданий не очень ладно скроенная громада Крестовоздвиженской церкви. Разборка завершающей части церкви, любопытной своим провинциализмом, нанесла не большой урон центру Солигалича. Значительно большей потерей явилось разрушение колокольни, сооруженной, судя по некоторым данным, в 1709—1716 годах. Архитектура этой звонницы была выдержана в лучших традициях древнерусского зодчества и хорошо дополняла своеобразный силуэт города.

Вокруг Крестовоздвиженской церкви разрослась зелень сквера, сообщая этому уголку города уют и лиричность. Некогда же между «святыми стенами» и сомкнутым строем лавок, на фоне крестов и пестрых вывесок, шумело многолюдное торжище, куражились солигаличские купцы и томительно долго тянулись унылые обыденные базары.

Угол площади, образованный шеренгой лавок, сохранил почти забытый облик русского провинциального

*Солигалич. Торговые ряды.
Вдали Рождественский
собор*

*Солигалич.
Крестовоздвиженский-
Борисоглебский храм.
1817 г.
Старая фотография*

горда. Порой теряешь ощущение реальности и кажется, что ходишь по гигантской сцене с оставленными декорациями к пьесе Островского. Строй толстых бревен, гордо несущих капители и олицетворявших гражданственные идеалы дворянского века, связан волнистой линией досок, которые имитируют классический антаблемент. Одинокий, доживающий свой век керосиновый фонарь и железные двери с коваными засовами дополняют картину. Редко сейчас можно увидеть столь яркий образец провинциального зодчества, столь самобытный ансамбль, воплотивший в архитектурных образах целую эпоху.

Облик площади невольно вызывает живые образы людей, связанных с Солигаличем. В город за покупками приезжал из небогатой усадьбы Дракино юный барин Геннадий Невельской, будущий «русский Колумб», навещался в торговые ряды и писарь Дмитрий Герасимович Сытин со своим сыном. Ванюша Сытин и сам бегал из села Гнездиново в город. Бродил по площади в 1858

*Солигалич.
Торговая площадь. Вдали
колокольня церкви
Николы на наволоке*

году двадцатипятилетний Александр Порфирьевич Бородин, приехавший обследовать минеральные источники. И, возможно, когда позднее доктор медицины А. П. Бородин работал над либретто оперы «Князь Игорь», впечатления от пребывания в Солигаличе нашли также свое творческое отражение в его гениальном произведении.

Пробыв в Солигаличе целое лето и тщательно исследовав состав и свойства минеральных вод, будущий автор «Богатырской» симфонии, опубликовал свои выводы в брошюре «Солигаличские соляно-минеральные ванны».

История курорта, научную путевку которому дал Александр Порфирьевич Бородин, не лишена интереса. Очередной огненный смерч испепелил в 1808 году почти весь Солигалич. Покрытые слоем пепла соляные колодцы, переставшие давать огромные прибыли, были засыпаны. Только через тринадцать лет царское правительство передает землю с источниками на вечное пользование

винному откупщику Кокореву для возобновления солеварного промысла и поставок соли. Двухэтажный дом этого солигаличского миллионера стоит до сих пор на углу Коммунистической улицы и Красной площади. Стремясь увеличить доходы, чтобы выдержать конкуренцию с пермской солью, купцы Кокоревы начинают в 1832 году бурить артезианский колодец (в надежде получить более крепкий рассол. В течение девяти лет вгрызались в землю с помощью примитивной техники рабочие. Была достигнута глубина более двухсот метров. Земля отблагодарила человеческий труд, и целебная вода полилась из скважины. Местные жители скоро оценили лечебные свойства своей воды, а в 1841 году было основано примитивное водолечебное заведение. В настоящее время солигаличская здравница имени А. П. Бородина вмещает одновременно более ста больных. Ее уютные корпуса расположены в красивом парке на берегу реки Костромы. Мощность источника и эффективность лечебного действия выходят за пределы местного курорта.

В ансамбль площади, как бы завершая ее пространственную организацию, входит известная уже нам церковь Николая на наволоке. Ее колокольня, как гигантский указательный столб, направляет движение к проезду на другую сторону реки. На этом удачно выбранном с градостроительной точки зрения месте, на перекрестке речной и сухопутной дорог, на наволоке, испокон веку стояли церкви. Триста лет тому назад составитель «Солигаличского летописца» под 1644 годом записал: «Июня в 14 день у Соли Галичской у Николая Чудотворца на наволоке загорелась церковь в полдень от молнии, а была церковь деревянная, шатровая, вышиной 33 сажени, и сгорела в 3 часа». Недолго оставался Солигалич без вертикального ориентира, хорошо читавшегося с водных просторов. Поднялся снова из пепелища, как сказочная птица Феникс, храм покровителя моряков и плотников. А в мрачные годы после разгрома мятежных войск Степана Разина, в 1674 году «построена теплая деревянная церковь у нас у Соли Галичской на посаде во имя Преображения». Только в конце XVII века, в период распространения московского барокко, возводится на наволоке каменный Никольский храм. Архитектурные формы церкви были близки ее предшественницам — церквям Воскресенского монастыря. Жиденькие пятиглавые увенчивало массивное основание, прижатое двумя рядами кокошников. Словно компенсируя излишнюю тяжеловесность храма Николая на наволоке, рядом с

ним поднялся стройный столп колокольни, такой же изящный и стремительный, как знаменитая звонница церкви Иоанна Златоуста в Ярославле. Архитектурные формы и пропорции этих колоколен очень близки, что позволяет говорить о причастности этого сооружения к художественной школе Поволжья. Через сто с лишним лет по другую сторону солигаличской колокольни вырастает второй каменный храм — Преображения (1821). Центрическое сооружение с четырьмя портиками, завершенное ротондой, в духе композиций М. Ф. Казакова, замечательно дополнило ансамбль. Три различных по геометрической характеристике объема составляли зрительно уравновешенную группу, композиционным центром которой была колокольня. Наиболее сильные средства противопоставления, усиления эмоционального воздействия путем контраста были использованы зодчими; статический объем контрастирует с динамическим, прямолинейные формы с криволинейными, древнерусские архитектурные детали с классическими, обогащая и усиливая друг друга.

Правда, о композиционном мастерстве зодчих сейчас судить трудно, так как в 30-е годы помещение Никольской церкви приспособляется под электростанцию, и облик храма приходится восполнять по музейным фотографиям.

ПО СТАРЫМ УЛИЧКАМ И ПЕРЕУЛКАМ. Окончив осмотр торговой площади, обязательно походите по обычным и на первый взгляд малопримечательным улочкам Солигалича. Город обладает своим архитектурным лицом. На улицах меньше зелени, чем в Чухломе, но зато почти на каждом окне за занавеской горят яркие огоньки герани. Среди примелькавшихся деревянных домиков сплошь и рядом попадаются подлинные перлы народного искусства. Целый ряд этих произведений местных древоделов неизвестны даже специалистам. Так и доживают свой век в глухих переулках покосившиеся домики в кружевном уборе. Сколько их уже погибло, так и не порадовав людей из других городов, не полав на страницы книг и альбомов, не получив вечную жизнь в чертежах и фотографиях. На незнакомых улицах чувствуешь себя первооткрывателем, исследователем неведомых художественных сокровищ. Кажется, что за каждым углом тебя ожидает что-то новое, возможно, неведомый шедевр. Правда, иногда приходится

Солигалич.

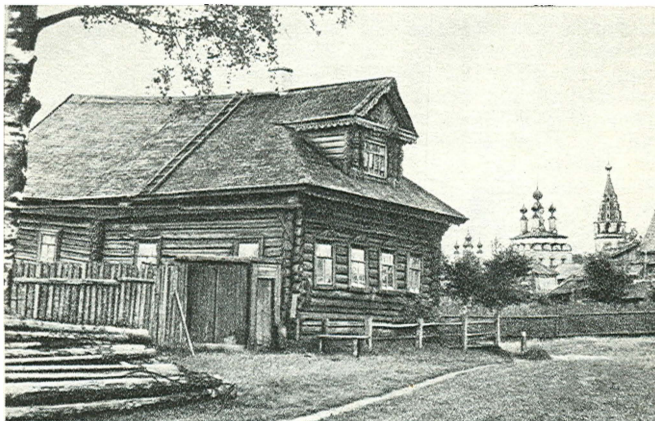
Справа Никольская летняя церковь. 1688 г. Слева

Преображенская, зимняя.

1821 г. Старая фотография

испытывать чувство разочарования. Но если вы любите деревянное зодчество, то смело направляйтесь по одной из улиц, разбегающихся в разные стороны от Красной площади.

Основной тип старых жилых зданий в Солигаличе — одноэтажный, реже двухэтажный дом со светелкой, выходящей на уличный фасад. По бокам окна «русской мансарды» часто расположенные спаренные столбики то нежно прижимаются к бревенчатой стене, то гордо выступают вперед вместе с перилами балкончика. Композицию светелки завершает треугольник крыши, продолжающий линии основных кровельных скатов. Под навесом деревянного фронтона укрытые от дождя четко выделяются на темном фоне резные «подзоры». Очертания подзоров иногда приближаются к форме покрытия «бочкой», словно стремясь возродить эту интересную деталь древнерусского зодчества. Подобные подзоры можно наблюдать в одном из домиков, окружающих крепость

*Солигалич.
Дом на набережной реки
Костромы*

Солигалича. Вросший в землю сруб относительно молод. По рассказам владельцев, он построен в 1902 году подрядчиком Румянцевым из деревни Муравьево. План дома достаточно типичен. К горнице с одной стороны примыкают сени, а с другой — боковуша. Из сеней можно попасть еще в одно небольшое хозяйственное помещение, а также по лесенке в светелку, вписавшуюся в габариты крыши. Только помещение горницы, самое вместительное и светлое, отапливается большой русской печью. Это основное зимнее помещение — истопка. Все остальные клетки холодные и предназначены для бытовых нужд, боковуша используется также в качестве летней спальни. Вековой опыт заставил наружные стены горницы с окнами ориентировать на юго-запад, прикрыв с севера хозяйственными помещениями. А народная мудрость подсказала вписать весь план избы в квадрат, чтобы получить наименьший периметр наружных стен. Каждая деталь имеет свое логическое обоснование, проверена

поколениями и выдержала экзамен временем. Наружная дверь и вход в горницу расположены под углом, чтобы не было сквозного продувания. Топка печи обращена к свету и расположена рядом с дверью, обеспечивая удобство обслуживания и чистоту в горнице. Строго-настрого приказывает «Домострой»: «Изба и стены, и лавки и скамьи, и пол и окна, и двери, и в сенях, и на крыльце, — вымыть и вытереть, и вымести и выскресть, — всегда бы было чисто».

Разные художественные вкусы, жизненные запросы и материальные возможности запечатлела застройка Солигалича. Бревенчатые срубы и дощатая обшивка, покрытие щепой и железная кровля, деревянный подклет и каменная подизбица дополняют биографии своих хозяев. Сплошное резное покрывало, накинутое на дом № 5 по улице Гагарина, достаточно хорошо говорит о вкусах купцов Шалаевых, которым принадлежало здание. Плоскостной узор из выпиленных досок ассоциируется с каменным кружевом владимиросудальских храмов.

Не менее красноречиво повествует о желании помещиков Мичуриных идти в ногу со временем их бывший дом, перевезенный из усадьбы и поставленный на углу улиц Коммунистической и Юных ленинцев. Стиль классицизм, пустивший столь глубокие корни в России, импонировал либерально настроенным дворянам, что не мешало им, разыгрывая вольтерьянцев, преспокойно сечь на конюшне своих крепостных. Целая эпоха с мамушками, борзыми собаками, балами и доморощенными «Версалиями» встает на фоне побеленной дощатой стены с деревянными кронштейнами, балясинами и сандриками. Чуждые, несвойственные дереву детали каменной архитектуры выпадают из общего облика солигаличских улиц, лишней раз свидетельствуя о неправомерности механического переноса архитектурных форм из одного материала в другой.

Резным наличникам Солигалича можно посвятить целый очерк — очерк о творческой фантазии и композиционном мастерстве, очерк о народных талантах и любви к прекрасному.

Не поленитесь пройти на улицу имени Егорова. В домике № 10, с традиционными тремя красными окошками и светелкой, совершенно необычные наличники. На фоне массивной бревенчатой стены особенно декоративно читается ажур тонкой резьбы. Но дело не только в искусстве выполнения сложного рисунка. Поражает

*Солигалич. Бывший дом
купцов Шалаевых*

*Солигалич. Наличник дома
по ул. Егорова*

внесение мастером в узор наличника сюжетной линии, элементов тематики, которая очень близка лубку. На доске, закрывающей верх наличника, как на сцене кукольного театра, поставлены фигурки и стилизованные деревья. В центре размещен герб с двумя орлами, имеющими довольно беспомощный вид, и короной, скорее напоминающей обычный головной убор. По бокам несколько шаржированного герба, опираясь на него, возвышаются львы, очень смахивающие на обычных дворовых псов. А на углах, как бы спрятавшись за деревья, стоят на задних лапах и ревут во все горло медведи, одетые в военную форму. Косолапые мишки в виде солдат, как в театральных декорациях, развернуты под углом к плоскости стены, а условные деревья выполнены из двух досок, соединенных под прямым углом. Очень хотелось бы разгадать мысли, которые вкладывал народный умелец в спектакль, разыгранный им в дереве. Можно предполагать, что действующие лица этой сцены выска-

зывали мысли автора, отражали его симпатии, смеялись вместе с ним, как это имело место в лубочных картинках. Лубок получил широкое распространение в России (особенно в XVIII—XIX веках) и очень часто в сатирической форме выражал отношение народа к тяготам подневольной жизни.

Много интересного можно встретить на отдаленных улочках Солигалича. Немало ценных деталей народного творчества скрыто за высокими заборами и неинтересными стенами зданий.

Некоторые дворы сохранили свой первоначальный вид, донесший до наших дней картину патриархального уклада с его косностью и собственническим духом. Попав в кольцо добротных сараев, навесов, коровников, с хрипло лающей собакой на цепи, невольно вспоминаешь слова «Домостроя» — этого кодекса моральных и этических основ древнерусского человека — «и держано бы то бережно, где что пригоже. Ино что себе ни сделал, и никто ничего не слышал. В чужой двор не идешь ни пошто: свое без слэва».

Попадают спрятанные от посторонних глаз уютные крылечки с нависшими над ними перекосившимися от времени покрытиями в виде древней бочки или шатра. Можно встретить и «пришедшие из города» балконы на изящных металлических кронштейнах искусной кузнечной работы. Недаром в середине XIX века славились топоры и косы солигаличских кузнецов. Графический рисунок металлических перил и консолей в сочетании с узорными лентами деревянной резьбы придает домику особый облик, отражающий влияние каменной жилой архитектуры на народное деревянное зодчество.

Старое и новое, источник и подражание, талант и ремесло сосуществуют по соседству на одной улице, а иногда и в одном дворе.

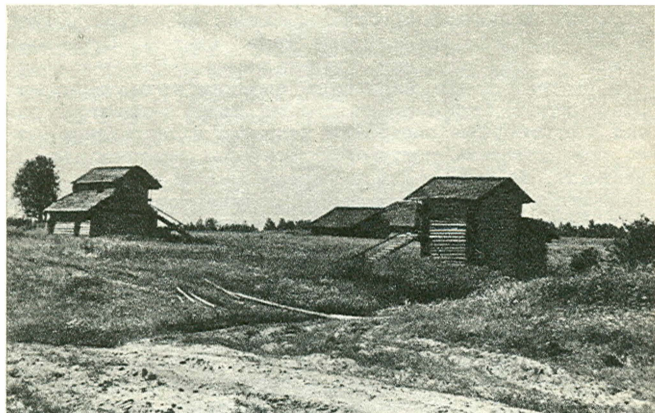
Как много поучительного, поистине красивого таится подчас рядом и не замечается нами. Занятые своим делом, мы подчас не обращаем внимания на раскрытую книгу истории, на ее живые иллюстрации и поучения.

ПО ЛЕСАМ И ДОЛАМ. Есть особая прелесть в прогулках пешком, особенно по неизвестным местам. Древние Галичские земли словно специально предназначены для этого. В лес далеко ходить не надо, он рядом с городом, зеленое море немного отступило, но по-прежнему окружает Солигалич плотной стеной. Приятно идти под не-

жаркими ласкающими лучами солнца по сочной, почти в рост человека траве, среди моря цветов. Огромные ромашки, колокольчики, иван-да-марья сливаются в яркий пестрый ковер, напоенный сладким ароматом меда. Ширь лугов, безбрежность лесных далей отодвигает назад миниатюрные постройки человека и заставляет остро почувствовать могущество природы, прикоснуться к вечности. Но вот пройдены первые лесные кордоны и открывается новый таинственный, полный торжественности мир леса. С трудом переступая через поваленные деревья, раздвигая колючие ветки, вступаешь в сказочное царство Берендея со своими суровыми законами. Прохладный, свежий воздух окутывает с ног до головы. Прелые листья, влажная кора, покрытая мхом земля пахнут сыростью и грибами. Вековой, малохоженный лес, с бесчисленными оттенками зелени, яркими пятнами ягод, наполненный звуками и скрытой от постороннего глаза жизнью зачаровывает, он завлекает вглубь, в полутемные дебри с вывернутыми с корнем деревьями. Невольно начинают мерещиться в таинственной чаще хитрые глазки лешего, пеньки превращаются в гномов, а полусгнившие стволы оборачиваются в бабу-ягу.

Но не только сбор ягод и грибов, которых здесь тьма-тьмушая, доставляет удовольствие. Приятно, выбравшись из зеленого плена, попасть в деревушку, попить холодного молока и полюбоваться нехитрыми деревянными постройками. Все меньше и меньше остается произведений дрезного народного искусства. Жизнь неумолимо переворачивает страницы истории, с каждым годом становятся дороже единичные памятники таланта и мастерства русского народа. Когда просматриваешь книгу Б. И. Дунаева «Деревянное зодчество северо-востока Костромской губернии», то понимаешь, как много мы потеряли, и становится особенно жаль немногих уцелевших сооружений, подчас не обмеренных и не зафиксированных для истории нашей культуры.

По дороге на Елейкино встречаются редкие в наше время двухэтажные амбары, расположенные вдали от жилья во избежание пожара. Иногда на забытом погосте можно набрести на ветхий крест старинной работы, весь покрытый зеленым мхом и готовый рассыпаться от прикосновения. Подлинная жемчужина древнерусского искусства — Ильинская церковь — спрятана в зелени кладбища деревни Верхний Березовец. Она относится к типу храмов, которые у русских людей получили наименование «восьмерик на четверике». На квадратном осно-

*Хозяйственные постройки
в окрестностях
Солигалича*

Старый крест

вании — четверике — покоятся два приземистых восьмигранника; ярусная композиция завершается куполообразным покрытием и шарообразной главой. Храм, видимо, перестраивался и видоизменил свои первоначальные формы. Похоже, что западный вход и верхний восьмерик были переделаны, возможно, в начале XIX века, когда стены Ильинской церкви были обшиты тесом. К сожалению, до сих пор этот памятник не имеет точной датировки и предположительно датируется XVI—XVIII веками.

Обшитый досками, с железной крышей, ушедший более чем на метр в землю, храм в Верхнем Березовце производит сейчас немного грустное впечатление. Еще недавно осадок неудовлетворенности от внешнего вида с лихвой компенсировался эмоциональным воздействием интерьера. По словам знатока Древней Руси Б. И. Дунаева, храм внутри представлял «целый музей родного искусства». Вдоль стен храма и основания восьмерика шли

*Деревня
Верхний Березовец.
Ильинская церковь.
XVI(?) — XVIII вв.*

непрерывные ряды икон, среди которых были образы очень древнего письма. Полки для икон обиты расписными тяблами, которые, может быть, принадлежали более древнему иконостасу. Сомкнутый строй суровых ликов, ограниченный светлыми полосами с цветочным орнаментом, позволял представить интерьеры наших древних церквей до появления резных ярусных иконостасов.

Пространство храма ограничивал деревянный подвесной свод по типу каменных. «Небо» было затянуто холстом и расписано достаточно умелым живописцем. В семи гранях свода, оконтуренных стилизованными листьями и завитками, в графической манере контурного рисунка изображены «страсти Христовы». На восьмой грани по оси церковных врат размещено деревянное резное распятие. Необычность всей композиции, сочетание иконописи с деревянной резьбой, гармоничность цветовой гаммы делали интерьер Ильинской церкви редким памятником древнерусского искусства. Даже лишившись

ряда икон, увезенных в музей, потеряв церковную утварь и частично резной декор, внутреннее пространство храма сохранило своеобразие и привлекательность.

Почти напротив Ильинской церкви, на старинном тракте, доживает свой век здание трактира. Пыльная лента дороги связывала Солигалич с Буюм. Не одна лишь тройка останавливала свой бег возле крыльца трактира. Дорога на Буй и дальше на Кострому очень давняя. Уже в XV веке тянулись через леса обозы в селение Железный Борск, славившееся своими металлическими изделиями. Пользовался известностью и Железноборовский монастырь, основанный в 1390 году учеником Сергия Радонежского — Иаковом, который происходил из рода галичских бояр Аносовых. За стенами монастыря в 1450 году Василий Темный с волнением ожидал результатов боя своего войска с дружиной Дмитрия Шемяки. Иноком монастыря, по преданию, был галичский мещанин Григорий Отрепьев, дерзнувший принять имя «убиенного» царевича Дмитрия и возложить на себя царский венец. Но не эти факты принесли славу и деньги монастырю, а его железоплавильные домницы и соляные варницы, на которых трудились монастырские холопы. Труд народа создал и увековечил монастырь. Давным-давно отслужен последний молебен в храмах Железноборовского монастыря, много лет безмолвствует его колоколя, но забытые, потрепанные житейскими бурями монастырские строения как верные проповедники несут в мир идеи созидания и красоты. С уважением взираешь на опозтизированный человеческий труд, на овегцествленную красоту, и становится горько, что некоторые люди не видят ее, проходят мимо прекрасного, а иногда и разрушают его. Рядом с монастырем стоят поседевшие от времени избы с затейливыми подзорами, с коваными личинами замков — вечный родник, питавший национальное искусство.

И снова дорога, как символ движения, жизни, стремления все увидеть, все познать. Полоска земли манит вперед, на встречу с современностью и далеким прошлым.

Кольцо замыкается, скоро Буй — «городок на Кореге», основанный в 1536 году, — и снова Галич. Быстро промелькнуло время, много знаменательных страниц истории ожило в сознании, много замечательных произведений искусства запало в сердце, а сколько еще таят прекрасного оставшиеся в стороне забытые деревушки, какие красоты скрыты от глаз людей за поворотом неизвестной дороги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Лаврентьевская летопись» — ПСРЛ, т. 1, вып. II, изд. 2, Л., 1927, стр. 464. В ряде источников документ датируется 1238 г., без учета того, что в Древней Руси началом года считалось 1 сентября.

² См.: П. А. Раппопорт, Оборонительные сооружения Галича Мерьского. — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 77, изд-во АН СССР, 1959.

³ «Балчуг» — татарское наименование городища — грязь, пустырь.

⁴ А. А. Титов, Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской. — «Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме, в июне 1909 г.», Кострома, 1914.

⁵ См. указ. статью П. А. Раппопорта.

⁶ См. указ. статью П. А. Раппопорта. Встречается датировка крепости концом XV—началом XVI в.

⁷ Розмыслы — наименование инженеров на Руси в XVI—XVII вв.

⁸ Дьяк — греческое слово — служитель. В XIV—XVII вв. представитель правительственной администрации в Русском государстве.

⁹ Раздел написан по материалам писцовой книги г. Галича 1635 г.

¹⁰ Расположение башен — по схеме П. А. Раппопорта.

¹¹ С. Сытин, Древний город Галич, М., 1905.

¹² И. Беляев, Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии... Спб., 1863, стр. 69.

¹³ А. Ф. Писемский, Собрание сочинений, т. 5, М., 1959, стр. 173.

¹⁴ См.: А. Некрасов, Древности Галича Костромского, изд. Галичского отделения Костромского научного общества по изучению местного края, 1926.

¹⁵ См.: С. Агафонов, Некоторые исчезнувшие типы древнерусских деревянных построек. — Сб. «Архитектурное наследство», М., 1952, № 2.

¹⁶ См.: Д. Ф. Прилуцкий, Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии, Спб., 1861 (второе издание — Кострома, 1890).

¹⁷ Подпись на чертеже, хранящемся в Краеведческом музее г. Чухломы, неразборчива.

¹⁸ Размеры сажени колебались в значительных пределах от полутора метров до двух с половиной.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А батуров К., Озеров А., Рыжков А., Галич, Ярославль, 1939.
- А га ф о н о в С., Некоторые исчезнувшие типы древнерусских деревянных построек. — Сб. «Архитектурное наследство», № 2, М., 1952.
- «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952.
- А р д е н т о в И. Н., Б е л о р у с с о в Л. М., И в а н о в а В. Н., Ч и с т я к о в В. А., Солигалич, Костромское книжное изд-во, 1960.
- Б е л о в Л., К а с т о р с к и й В., С о к о л о в Н., Галич. К 800-летию города Галича, Костромское книжное изд-во, 1959.
- Б е л о р у с с о в Л., Памятники архитектуры Солигалича. — Газ. «Знамя Ильича», № 70.
- Б е л я е в И., Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных документов, имеющих по духовному ведомству, Спб., 1863.
- В ы л у з г и н В. А., Труды Солигаличского отд. Костромского научного общества (КНО), вып. II, Солигалич, 1924.
- Д и е в М. Я., История г. Солигалича. — «Костромские губернские ведомости», 1859, № 10—12.
- Д у н а е в Б. И., Воскресенский летописец и его продолжение за XVIII—XIX вв. солигаличским служилым человеком Ф. И. Нащокиным. — «Древности. Труды археографической комиссии», т. III, М., 1913.
- Д у н а е в Б. И., Русское искусство в памятниках северо-востока, М., 1909.
- Д у н а е в Б. И., Деревянное зодчество северо-востока Костромской губернии, М., 1915.
- З а б е л л о С., Костромская экспедиция. — Сб. «Архитектурное наследство», М., 1955, № 5.
- «Известия Костромского научного общества по изучению местного края», Кострома, 1930, № 1—3.
- К а з а р и н о в Л., Прошлое Чухломского края. — «Труды Чухломского отд. Костромского научного общества и Чухломского музея», вып. IV, Солигалич, 1929.
- «Костромская старина». — Сб., изд. Костромской ученой архивной комиссии, т. I—VII, Кострома, 1890—1912.
- Л е б е д е в Г. И., Прошлое и настоящее Чухломского

- района Костромской области, Чухлома, 1941—1942 (рукопись).
- Некрасов А. И., Древности Галича Костромского, изд. Галичского отделения Костромского научного общества по изучению местного края, 1926.
- Некрасов А. И., Костромской край в истории древнерусского искусства. — «Труды Костромского научного общества», Кострома, 1923.
- Палилов К., Галичский Паисиев монастырь, изд. Сытина.
- «Пространное житие Авраамия Ростовского чудотворца», Предисловие М. Аристова, Ярославль, 1890—1896.
- Писцовые книги XVI века под редакцией Н. В. Калачова, ч. I, отд. I, Спб., 1872.
- Прилуцкий Д. Ф., Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии, Спб., 1861.
- «Прошлое и настоящее Костромского края». Сб. статей, Кострома, 1926.
- Раппопорт П. А., Оборонительные сооружения Галича Мерьского. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, вып. 77, 1959.
- Самарянов В., Город Галич Костромской губернии в начале XVII века.
- Свиньин П. П., Картины России и быт ее разноплеменных народов, Спб., 1839.
- Серов С., Избе 300 лет. — Газ. «Северная правда», 1955, 17 января.
- Скворцов Л., Материалы для истории г. Костромы, ч. I, Кострома, 1913.
- Смирнов П. П., Древний Галич и его важнейшие памятники. — «Ученые записки Московского городского пед. института им. В. П. Потемкина», т. IX, вып. I, М., 1948.
- Сырцов И. Я., Древние памятники самозащиты и благочестия граждан г. Солигалича. — «Костромские епархиальные ведомости» за 1899, 1900 и 1901 гг.
- Сытин С., Древний город Галич Костромской губернии, М., 1905.
- Титов А. А., Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской. — «Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме, в июне 1909 г», изд. Костромской губернской ученой архивной комиссии, Кострома, 1914.

- Тихомиров М. Н., Россия в XVI столетии, М., Изд-во АН СССР, 1962.
- «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. 1—43, Кострома, 1914—1929.
- Фрязинов С. Ф., Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде. — «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. XIII. Второй Исторический сборник, Кострома, 1919—1921.
- Херсонский И., Материалы для истории Костромской епархии, вып. I. Галичская десятина с пригороды... Кострома, 1895.
- «Церкви Костромской епархии по данным архива Императорской археологической комиссии», Спб., 1909.
- Юдин Г. В., Материалы для истории гор. Чухломы и рода костромичей Июдиных, Красноярск, 1902.

ТИЦ АЛЕКСЕИ АЛЕКСЕЕВИЧ

НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕГО ГАЛИЧА

Редактор
И. А. КУРАТОВА

Оформление серии художника
Ю. К. КУРБАТОВА

Рисунки к карте художника
Ю. И. РАППОПОРТА

Художественный редактор
Е. Е. СМЕРНОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректоры
Т. М. МЕДВЕДОВСКАЯ.
Г. Г. ХАРИТОНОВА

Сдано в набор 15/II 1971 г. Подп. к печати 29/VII 1971 г. А10864. Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага тифдручная. Усл. печ. л. 4,973. Уч.-изд. л. 6,52. Тираж 75 000 экз. Изд. № 879. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Заказ № 84. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Калинин, пр. Ленина, 5. Цена 40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ В СЕРИИ

«ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ»

И. ПОП, Д. ПОП. «В ГОРАХ И ДОЛИНАХ ЗАКАРПАТЬЯ»

М. ЗВАНЦЕВ. «ЗАВОЛЖЬЕ».

Б. ГНЕДОВСКИЙ, Э. ДОБРОВОЛЬСКАЯ.

«ДОРОГАМИ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ».

В. КОСТОЧКИН. «СТАРЫМ СМОЛЕНСКИМ ТРАКТОМ».

А. ГАЛАШЕВИЧ. «ТОРОПЕЦ И ОКРЕСТНОСТИ».

М. ЦАПЕНКО. «ЗЕМЛЯ БРЯНСКАЯ».

А. ЧЕКАЛОВ. «ПО РЕКЕ КОКШЕНЬГЕ».